

ОТ АВТОРА ПРОНЗИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДРАМЫ

«ЖЕНА СМОТРИТЕЛЯ ЗООПАРКА»

ВСЕОБЩАЯ
ИСТОРИЯ
ЛЮБВИ

18+

ДИАНА

АКЕРМАН

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

Диана Акерман

Всеобщая история любви

«Азбука-Аттикус»

1994

УДК 159.93

ББК 88.3

Акерман Д.

Всеобщая история любви / Д. Акерман — «Азбука-Аттикус»,
1994

ISBN 978-5-389-15216-8

Рассказывая о том, как менялись представления о любви в истории, соединяя пунктиром эпохи Древнего Египта, Древней Греции и Древнего Рима, Средневековье, эпоху Возрождения и современность, американский публицист и поэт Диана Акерман приглашает нас постичь «великое непостижимое» – любовь во всем многообразии ее аспектов. Изысканно написанная и основанная на потрясающей информированности, эта книга – подлинный гимн любви. «Как возникает любовь? Как ее можно понять в контексте эволюции? Что такое психология любви? Эротическая и неэротическая любовь – по сути одно ли и то же? Кто по своей природе любит больше – мужчина или женщина? Что такое материнская любовь? Как любовь влияет на наше здоровье? Можно ли сказать, что у мужчин и женщин разные сексуальные программы? Как связаны между собой отсутствие любви и преступность? Что такое химия любви? Моногамны ли мы по природе или рождены, чтобы обманывать своего партнера? Как менялось представление о любви от эпохи к эпохе? Действительно ли существуют афродизиаки? Испытывают ли любовь животные? Каковы обычаи и причуды любви? Нам очень повезло, что мы живем на планете, изобилующей человеческими существами, растениями и животными, и часто меня изумляет, какие странные задачи ставит перед ними эволюция. Но из всей жизненной круговерти, из всех тайн, которые нас зачаровывают, я предпочитаю любовь».

Диана Акерман

УДК 159.93

ББК 88.3

ISBN 978-5-389-15216-8

© Акерман Д., 1994
© Азбука-Аттикус, 1994

Содержание

Предисловие	8
Словарь любви	8
Долгое желание. История любви	12
Египет	12
Возлюбленная истории, коварная царица	12
Искусство в Древнем Египте	14
Иероглифическая любовная лирика	16
«Сестра моя, моя невеста»	19
Долгое желание	21
Греция	22
Мир царственного гражданина	22
Мир женщины	23
Мужчины, любящие мужчин	24
Семья	26
Орфей и Эвридика	27
Рим	30
Кошмар девушек	30
Дидона и Эней	32
Семья	34
О, победа!	36
Овидий и наука любви	37
Украшая досуг	39
Средние века	40
Рождение рыцарства	40
Книги о любви	42
Трубадуры	44
Бунт сердца	45
Истоки куртуазной любви	48
Абеляр и Элоиза	51
Новое время	56
Ангел и ведьма	56
Ромео и Джульетта	58
Обузданные сердца	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Диана Акерман

Всеобщая история любви

Diane Ackerman
A NATURAL HISTORY OF LOVE

© Diane Ackerman, 1994
© Щелокова О. Р., перевод на русский язык, 2017
© Photoshot/Vostock Photo, фото автора
© Дизайн обложки: Susan Mitchell
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018
КоЛибри®

* * *

Джорджу, с его светлым, как летнее солнце, сердцем

... На вопрос «Что такое любовь?» давались весьма оригинальные ответы. Некоторые думали, что любовь – это стремительное бегство от самого себя, своего рода бередящая, будоражащая пагубная привычка. Некоторые клялись, что любовь – это приобретенная ранимость. Кое-кто утверждал, что любовь – это всего лишь самообман и фантазия. Кто-то считал любовь нарциссическим приключением, в процессе которого люди, чувствуя себя неполноценными, используют других, чтобы совершенствоваться самим... Одни проводили различие между слепой страстью и «настоящей» любовью. Другие задавались целью выяснить, она – поведение или отношение? Третьи составляли перечень разновидностей и стадий любви. Четвертые отличали пыл юношеской влюбленности от более продолжительной и доверительной «любви-дружбы», которую испытывают супруги в долгом браке. Любовь рассматривалась с такого множества точек зрения, была так разнообразно оценена, что уже можно было бы составить атлас или рельефную карту, где представлены ее берега и горные цепи, границы и внутренние районы. Однако те, кто изучает любовь, все еще стоят у границы, а для тех, кто по ней путешествует, – это все еще только что открытая земля.

Диана Акерман

Язык Акерман настолько богат, что ее текст физически ощутим, словно ткань... Насколько же живым и трепетным оказалось повествование, собранное из исторических фактов!

The Columbus Dispatch

В этом путеводителе по таинственным уголкам человеческого сердца Диана Акерман изучает свои объекты с усердием Шерлока Холмса, рассматривая ту или иную тему в аспектах философии, мифологии, истории,

физиологии и даже эротики, чтобы во всей полноте истолковать это самое благородное из человеческих чувств.

USA Today

Акерман, как алхимик, превращает свинец информации в золото литературы. Ее книга – пленительное посвящение самому возвышенному из чувств, вдохновенное прославление чувственных наслаждений и ода романтической привязанности.

Hartford Courant

Дерзновенно блистательное и завораживающее путешествие по миру любви.

Washington Post Book World

Предисловие

Словарь любви

Любовь – это великое непостижимое. В страшных снах, одержимые одними чувствами, мы создаем чудовищ. Ненависть крадется по улицам, с ее клыков капает кровь, страх парит над узкими улочками на крыльях нетопыря, и ревность гонит по небу липкую паутину. В дневных грезах мы можем сохранять самообладание, отражать нападки противника, одерживая победы на полях славы под восхищенные крики толпы, стремительно бросаясь в самое пекло. Любовь – это сон, мечта, греза, но какая? Безумная и безмятежная, неусыпная и спокойная, мучительная и крепкая, взрывная и уравновешенная – любовь командует огромной армией настроений. Надеясь на победу, прихрамывая после последней схватки, влюбленные выходят на арену снова и снова. Мы затихаем, но мы бесстрашны, как гладиаторы.

Я подношу стеклянную призму к окну. Сквозь нее проникает солнечный свет и падает на пол, переливаясь всеми цветами радуги. То, что мы называем белым, – это целый спектр разноцветных лучей, заключенных в тесном пространстве. И призма их освобождает. Любовь – это белый цвет чувств. Она включает в себя множество ощущений, которые, из лени или по ошибке, мы вмещаем в одно слово. Искусство – это призма, которая их освобождает, а эти ощущения потом образуют разные сочетания. Когда искусство распутывает плотный клубок чувств, любовь обнажает их суть. Но их нельзя ни измерить, ни систематизировать. Все соглашались с тем, что любовь – это нечто восхитительное, что без нее невозможно, но все думают о ней по-разному. Однажды я услышала, как спортивный комментатор сказал о баскетболисте: «Ему подвластно непостижимое. Только *полюбуйтесь* на его танец». Каким бы возвышенным ни было представление о любви, для ее объяснения пригодился бы и самый приземленный образ, если он точно ухватывает ее суть. Несколько лет назад у меня был роман с одним мужчиной, и этот роман был для меня и спортом, и развлечением. Но в конце он некрасиво остановил мяч в игре моей жизни. Однако в целом любви подвластно все непостижимое. Она позволяет нам исполнять наш самый прекрасный танец.

Любовь. Какое короткое слово используем мы для идеи столь огромной и мощной, что она изменила течение истории, усмирила чудовищ, вдохновила на создание произведений искусства, ободрила одиноких, умягчила суровых, утешила поработанных, прославила униженных, довела сильных женщин до безумия, а целые государства – до позора, вызвала крах воротил преступного мира и уничтожила королей! Как можно уместить это безмерное понятие – любовь – в тесные границы одного маленького слова? Попытавшись выяснить происхождение этого слова, мы обнаружим смутную и запутанную историю, уходящую вглубь веков, к санскритскому слову *любхати* («он желает»). Я уверена, что это слово появилось гораздо раньше. Любовь – это древнее исступление, желание, которое старше цивилизации, явление, мощные корни которого уходят в темные и таинственные глубины тысячелетий.

Слово «любовь» мы используем так небрежно, что оно или почти полностью теряет смысл, или, наоборот, значит абсолютно все. «Любить» – *amare* – это первый глагол, который учатся спрягать по-латыни студенты. Каждый знает, что любовь может быть мотивом преступления. «Ах да, он же был влюблен, – вздыхаем мы. – Это все объясняет». И действительно: в некоторых европейских и южноамериканских странах простительно даже убийство, если оно объясняется как «преступление на почве страсти». Любовь, как и правда, – неопровержимая защита. Тот безвестный француз, который первым сказал, что «любовь заставляет планету вращаться», вероятно, думал не о небесной механике, а о том, как любовь приводит в движение механизм жизни, благодаря которому сменяется поколение за поколением. Мы думаем о

любви как о позитивной силе, которая так или иначе облагораживает того, кто ею наделен. Когда друг признается, что он влюбился, мы его поздравляем.

В легендах ни о чем не подозревающие юноши и девушки выпивают любовный напиток – и тут же теряют голову. Как и алкогольные напитки, любовный напиток может выглядеть по-разному и иметь разную крепость. У него сложный букет из различных пикантных ингредиентов. Вкус человека в любви тесно связан с его культурой, воспитанием, поколением, эпохой, полом и так далее. Ирония судьбы в том, что, хотя иногда мы и думаем о любви как о предельном Единстве, она не монотонна и не однообразна. Любовь – это ткань, подобная батику, ее создает множество эмоций и их оттенков. Ее образцы бывают разными, а яркость меняется. Какие образы приходят в голову моей крестнице, когда ее мать говорит: «Я люблю мороженое “Черри Гарсия”», «Я по-настоящему любила моего парня в университете», «Разве ты не любишь этот свитер?», «Этим летом я бы съездила на неделю на озеро, я его люблю», «Мамочка тебя любит»? А поскольку в нашем распоряжении всего одно слово, мы говорим о любви или преувеличенно, или несурзазно. «А как ты меня любишь?» – спрашивает ребенок. И родитель не может ответить: «Я (далее должен стоять глагол, обозначающий безусловную родительскую любовь) *тебя*»; вместо этого мать широко разводит руки и пальцы, словно приветствуя солнце и небо и все сотворенное, и говорит: «Вот так!» Или: «Представь себе что-то самое большое, что только можешь себе вообразить, потом его удвой. А я тебя люблю в сто раз больше!»

Когда Элизабет Барретт Браунинг написала свой знаменитый сонет «Как я люблю тебя?», она стала «считать способы» не потому, что у нее был арифметический склад ума, а потому, что английские поэты всегда искали личные приметы своей любви. Нас, то есть общество, смущает любовь. Мы относимся к ней так, словно это что-то непристойное. Мы принимаем ее неохотно. Даже само слово «любовь» мы произносим запинаясь и краснея. Но почему же мы стыдимся такого красивого и естественного чувства? Обучая студентов литературному мастерству, я иногда давала им задание – написать стихотворение о любви. «Будьте точными, сохраняйте индивидуальность, умеете описывать. Но только не используйте штампов, – предупреждала я их. – И никаких скабрзностей». Это задание я даю отчасти потому, что оно помогает им понять, как мы зажаты, когда речь идет о любви. Любовь – это самое важное в нашей жизни, страсть, ради которой мы сражаемся не на жизнь, а на смерть, – и все-таки чувствуем себя неловко, боимся назвать ее своим именем. У нас нет гибкого словаря, чтобы говорить или думать о ней напрямую. Существует множество колоритных глаголов со значением «воровать», десятки слов для описания тончайших оттенков ненависти, и при этом – ничтожно мало синонимов для обозначения любви. Наш любовный лексикон столь скуден, что поэту приходится выбирать между штампами, вульгаризмами и эвфемизмами. К счастью, это подстегивает фантазию и приводит к созданию произведений искусства, насыщенных богатой образностью. Вдохновенные поэты создают собственные словари. Миссис Браунинг послала своему мужу поэтический абак любви, иносказательно выразивший «сумму» ее чувств. Другие влюбленные пытались определять степень своей страсти столь же изобретательно. В стихотворении «Блоха» Джон Донн смотрит на блоху, напившуюся крови из его руки и из руки его любимой, и радуется, что их общая кровь объединилась в брачном союзе в желудке блохи.

Да, влюбленные чаще всего довольствуются сравнениями и количественными обозначениями. «Ты любишь меня больше, чем ее?» – спрашиваем мы. «А ты будешь любить меня меньше, если я сделаю не так, как ты хочешь?» Мы боимся встретить любовь с открытым забралом. Мы думаем о ней как о своего рода несчастном случае, дорожной аварии, приключившейся с сердцем. Это чувство, которое пугает нас больше, чем жестокость, насилие, ненависть. Нас сбивает с толку и приводит в замешательство неопределенность этого слова. В конце концов, любовь предполагает крайнюю уязвимость. Мы вооружаем человека остро заточенным ножом, раздеваемся догола, а потом просим его подойти поближе. Что может быть ужасней?

Если бы жительница Древнего Египта каким-то чудом оказалась на автозаводе в Детройте, то она, разумеется, была бы сбита с толку. Для нее все выглядело бы непривычно – например, то, что от одного прикосновения к стене помещение озаряется светом, от другого – наполняется теплым, «летним» ветром или потоками холодного, «зимнего» воздуха. Ее поразили бы телефоны, компьютеры, мода, язык и обычаи. Но, увидев, как мужчина и женщина украдкой целуются в тихом уголке, она понимающе улыбнется. Представители любых эпох и жители любых континентов понимают, что такое любовь. Точно так же они интуитивно чувствуют притягательность для них той или иной музыки, даже когда не могут в точности объяснить, что именно она выражает или почему им нравится музыка одного композитора, а не другого. Наша египтянка, предпочитающая подобное птичьему щебету звяканье систра, и современник XX века, любитель напоминающего клещеобразные челюсти тяжелого рока, разделяют страсть к музыке, понятную им обоим. Так и с любовью. От древности к современности менялись ценности, обычаи, правила этикета, но не величие самой любви. Да, все мы отличаемся друг от друга походкой, жестами, манерой одеваться, но ведь и деловой костюм, и саронг – все это одежда. Любовь тоже любит одеваться как можно разнообразнее: одни ее наряды причудливы и (на наш вкус) шокируют, другие – более привычны, но все они – часть гигантской фантазмагии. Наше сердце – как танзанийский природный парк Серенгети с его разнообразием ландшафтов и животного мира, где стираются различия между эпохами и народностями. Здесь все костюмы плавают одинаково.

Помните, с каким чувством вы прощаетесь с любимым? Разлука – это больше чем сладостная грусть; расставаться – значит рвать себя на части, если вы с любимым составляете одно целое. Это ощущение сродни мукам голода, и поэтому в обоих случаях мы говорим о боли. Вот почему Амура изображают с колчаном, полным стрел, – потому что иногда любовь пронзает сердце болью. Любовь – благотворная жестокость. Обыденная, как роды, любовь тем не менее – редкость: она всегда застает врасплох, и ей невозможно научить. Каждый подросток открывает ее заново, каждая пара определяет ее по-своему, каждый родитель изобретает ее сам. Люди ищут любовь, как если бы она была городом, погребенным под песками пустыни, – городом, где удовольствие – это закон, где улицы вымощены парчовыми подушками, а солнце никогда не заходит.

Если это так очевидно и широко известно, тогда *что такое* любовь? Приступив к созданию этой книги, я занялась изысканиями потому, что у меня было много вопросов, и еще не знала, какие ответы на них смогу найти. Как и большинство людей, я верила тому, о чем мне рассказали: что понятие любви было изобретено древними греками, а романтическая любовь началась в Средние века. Но теперь я знаю, насколько недостоверной оказалась эта молва. Романтическую любовь можно обнаружить и в самых ранних рукописных источниках, созданных человечеством. И большинство слов любви, и образы, которыми пользуются влюбленные, не менялись тысячелетиями. Но почему же на ум приходят одни и те же образы, когда люди описывают свои романтические чувства? Меняются обычаи, культура и вкусы, но не сама любовь, не сущность самого чувства.

«Животное притяжение», как мы иногда ее называем. После страстного свидания женщина может назвать мужчину, с которым она переспала, «настоящим животным», подразумевая, что это – похвала его сексуальности. Если она скажет это ему сама, да еще и в шутку зарычит – утехи можно продолжать. И правда: разъяснение множества наших любовных обычаев можно найти в животном мире. Здесь много параллелей. Самцы животных часто дарят своим избранницам нечто подобное обручальным кольцам; самки проверяют благосостояние самцов, а «скромность», в том числе напускная, – такая же козырная карта для самок птиц, насекомых или пресмыкающихся, как и для наших женщин. В этой книге я иногда упоминаю о брачном поведении других живых существ – хотя и не очень пространно, потому что уже подробно

писала на эту тему в других моих книгах. Думаю, повторяться будет лишним. (Я сделаю только одно исключение, когда расскажу, что думаю о поцелуях.)

В историческом разделе этой книги я буду рассматривать ближневосточную культуру (Египет), в которой обнаружены самые ранние письменные упоминания о любви, а затем покажу, как менялась природа любви в древнем и современном западном мире, так что, насколько это возможно, я буду придерживаться единой сюжетной нити.

Однако, когда речь заходит об истории любви, надо помнить, что мы больше знаем о любовной жизни представителей высших социальных слоев, чем о любовной жизни простонародья – людей, у которых было мало свободного времени и которые жили в стесненных условиях, деля свой кров и постель с другими бедняками; конечно, их любовная жизнь заметно отличалась от жизни тех счастливиц, у которых была возможность сибаритствовать и уединяться. К счастью, любви подвластны все, от крестьянина до короля, и в хижинах она цветет так же, как и во дворцах.

Было бы заманчиво думать о любви как о прогрессе, как о движении от невежества к утонченному свету разума, но это не так. Любовь – это не лестница, по которой мы поднимаемся со ступеньки на ступеньку, оставляя пройденное внизу. Человеческая история – не путешествие по местности, в ходе которого мы, приближаясь к новому, оставляем прежнее позади. Мы кочевники, мы все время в пути и везем с собой все, что у нас есть, – от семян и гвоздей до воспоминаний. Мы храним в памяти трудности, которые преодолевали везде, где только ни жили, мы носим с собой верования наших предков. Наш груз тяжел, но сбросить его мы не можем, и именно это когда-то сделало нас людьми. То, как мы любим в XX веке, – это и совокупность чувств прошлого, и реакция на современную жизнь.

Начиная собирать материалы для этой книги, я пыталась разыскать в библиотеках авторитетные исследования о любви, однако обнаружила, что их совсем мало. Например, в собрании микрофильмов Аркальной картотеки человеческих отношений база данных по антропологии представляет свыше трехсот мировых культур и включает в себя информацию по всем темам – от развода до украшений для носа. Но отдельной базовой категории или шифра для любви нет. Почему же так мало исследований любви? Явно не потому, что любовь представляется субъективной сферой с недоказуемыми предположениями, слишком эмоциональной для того, чтобы социологи отнеслись к ней серьезно (и получили соответствующее финансирование). В конце концов, существуют бесчисленные исследования, посвященные войне, ненависти, преступности, предрассудкам и так далее. Социологи предпочитают изучать негативное поведение и негативные эмоции. Может быть, они не чувствуют себя столь же уютно, изучая любовь саму по себе, в чистом виде. Я добавляю «в чистом виде», потому что любовь-то они *изучают* – они часто исследуют то, что происходит, когда любви не хватает, когда ей мешают, когда она исковеркана или когда ее нет.

Как возникает любовь? Как ее можно понять в контексте эволюции? В чем состоит психология любви? Эротическая и неэротическая любовь – по сути одно ли и то же? Кто по своей природе любит больше – мужчина или женщина? Что такое материнская любовь? Как любовь влияет на наше здоровье? Можно ли сказать, что у мужчин и женщин – разные сексуальные программы? Как связаны между собой отсутствие любви и преступность? Что такое химия любви? Моногамны ли мы по природе или рождены, чтобы обманывать? Как менялось представление о любви от эпохи к эпохе? Действительно ли существуют афродизиаки? Испытывают ли любовь животные? Каковы обычаи и причуды любви?

Нам очень повезло, что мы живем на планете, изобилующей человеческими существами, растениями и животными, и часто меня изумляет, какие странные задачи ставит перед ними эволюция. Но из всей жизненной круговерти, из всех тайн, которые нас зачаровывают, я предпочитаю любовь.

Долгое желание. История любви

Египет

Возлюбленная истории, коварная царица

Клеопатра. Это имя вызывает в воображении Восток, исполненный тайн и романтических историй. После смерти царицы прошли тысячелетия, но она все еще властвует фантазиями мужчин и вызывает зависть женщин. Мы можем вздыхать по Елене Троянской как по воплощению женской красоты, но завидуем мы Клеопатре – столь естественно, сокрушительно обаятельной, что она могла ворваться в жизнь любого мужчины и завладеть его сердцем. Мы представляем ее себе одушевленным афродизиакком – женщиной, от которой исходил аромат чувственности. В той мере, в какой мы еще остаемся детьми, тайно верящими в колдовство, мы хотим думать, что своей властью, как волшебной палочкой, она могла околдовывать одного Цезаря за другим. Легенда о Клеопатре больше говорит нам о наших собственных фантазиях и желаниях, чем о ней самой.

Клеопатра родилась в Египте в 69 году до н. э. и была дочерью царя Птолемея XII, потомка одного из полководцев Александра Македонского. Хотя неизвестно, кем была ее мать, но царские браки между братом и сестрой были тогда в порядке вещей, так что Клеопатра могла быть преимущественно гречанкой. Однако исключительно кровосмесительные браки привели бы к появлению на свет болезненных и слабоумных детей, тогда как всего одной внебрачной связи было бы достаточно для обновления генофонда: это обеспечило бы определенное генетическое разнообразие и здоровое потомство. По всей вероятности, женщины царского рода иногда беременели от посторонних, так что можно с полной уверенностью утверждать, что у Клеопатры в основном греческие корни, но она могла иметь и разных других предков.

Писатели и художники времен Клеопатры изображали ее весьма детально, но эти свидетельства были утрачены. Сохранилась лишь ее биография, написанная Плутархом два века спустя и основанная на воспоминаниях людей, которые ее видели. Они сообщали, что Клеопатра не была красавицей, но была бесконечно обаятельной, обладала яркой индивидуальностью и певучим голосом. Ее портрет на египетских монетах, отчеканенных в годы ее правления, не мог не быть льстивым: ни один художник не осмелился бы оскорбить царицу. Да и она сама не захотела бы, чтобы ее подданные, пользуясь этими монетами, носили при себе такие изображения, на которых она выглядела бы без прикрас. На монетах изображен рельефный профиль женщины: длинный нос с горбинкой, резкое, угловатое лицо, вздернутый подбородок, большие глаза и довольно узкий лоб. В давние времена и в дальних странах спорная красота не доводила до обморока.

А вот чего у нее не отнять – это стиль. Эффектная и впечатляющая, Клеопатра была героиней театра одного актера – ее самой. Шелка и благоухания, покрывала и драгоценные камни, экзотический макияж и замысловатые прически, раболепные слуги и мускулистые танцоры – все это было частью ее репертуара и ее свиты. Когда Клеопатра хотела впечатлить соотечественников или приезжих римлян, она проводила великолепные, тщательно продуманные действия на суше и на море, носила роскошные одежды и прекрасно знала, какую разыграть сцену. А могла, наоборот, писать прочувствованные речи. В самом деле: ей приписывали авторство нескольких книг, но большинство ее подданных были неграмотными. Поэтому ей нужно было находить простые и понятные слова (или средства), не требующие пространных пояснений. Она предпочла эффектную, яркую, визуальную символику тела, в которой многое было понятно

без слов. Плутарх сообщает, что, когда Клеопатра отправилась встретить Антония в Тарс, она приплыла на благоухающем ароматами корабле с вызолоченной кормой и пурпурными парусами, в наряде Афродиты (греческой богини чувственной любви), где мальчишки, переодетые купидонами, обмахивали ее опахалами:

Ее гребцы нежно касались воды серебряными веслами, погружая их в море в такт музыки флейты в сопровождении свирелей и лютней... Вместо моряков на корабле прислуживали самые красивые из ее служанок, наряженные nereидами и грациями. Некоторые из них стояли у рулей, другие следили за парусами, в то время как неопишимо прекрасный аромат, распространяемый бесчисленными курильницами, неся от корабля к берегам реки.

Афродиту (иногда отождествляя ее с Исидой, богиней-покровительницей Египта) особо почитали в Тарсе. Религиозная история этого города свидетельствовала о союзе Афродиты с восточным богом. Можно представить, насколько потрясающим было это зрелище, когда жители Тарса увидели свою богиню, прибывающую в клубах благоуханий. Они толпами стекались на пристань, чтобы приветствовать ее и поклоняться ей. Неплохой выход на сцену! Наверняка Антоний был впечатлен величием и великолепием, которым обладала Клеопатра, и воспринял это как знак того, что их союз предначертан свыше.

Мы не помним, какой она была для египтян – могущественной и талантливой царицей, которую подданные уважали и даже боготворили. Вместо этого у нас остался образ, созданный Римом, – представление о Клеопатре как о порочной соблазнительнице, виновной в гибели великих людей. Но это не должно нас удивлять. Рим был ее врагом, и в его интересах было порочить ее во время войны. Если не изображать ее как прекрасную, распутную, страстную чародейку, то как объяснить, что римские полководцы объединили с ней силы?

Но была ли она порочной? По всей видимости, Клеопатра, чтобы стать царицей, вполне могла замыслить убийство брата и сестры. Много ли любовников у нее было? Рассказывали, что с некоторых мужчин она брала огромные деньги за одну только ночь с собой и иногда после совокупления их убивала. И если она была богиней, то всякий любовник становился в ее объятиях полубогом. Возможно, избавляясь от некоторых опасных и привлекательных мужчин, она не ощущала вины и вообще прекрасно себя чувствовала, зная, что им суждена вечная жизнь. Клеопатра была правительницей обширного и беспокойного царства, и у нее явно не было лишнего времени для праздности, хотя я сомневаюсь, чтобы она, как утверждают некоторые ученые, годами воздерживалась от плотских удовольствий. Клеопатра, судя по всему, была пылкой и дерзкой, приземленной и одухотворенной.

Если она представляется нам нереальной сейчас, то надо помнить, что даже при жизни она казалась почти сказочным существом. Римские враги Клеопатры мифологизировали ее как злую волшебницу, а она себя – как богиню-благодетельницу. Верила ли она собственной легенде о своей божественности? Перед народом она являлась исключительно в образе богини, и у нас не осталось сведений о том, какой она была в частной жизни. О Клеопатре мы знаем очень мало – только то, что она была умной, эрудированной, образованной и очаровывала людей, чтобы снискать их расположение. Она говорила на нескольких языках, включая демотический египетский – язык простонародья. И это – наряду с тем, что она почитала скорее египетских богов, чем греческих, – вызывало у народа уважение к ней. Ее авторству приписывали трактаты о косметических средствах, гинекологии, весах и мерах, а также об алхимии. Аль-Масуди, историк X века, сообщал, что она была «весьма сведущей в науках, склонной к изучению философии, а среди ее близких друзей были ученые. Она написала труды по медицине, колдовству и другим естественным наукам. Эти книги носят ее имя и хорошо известны тем, кто преуспел в искусстве и медицине».

Но была ли она и впрямь соблазнительницей, которая завлекала и обманывала? Главным неотразимым очарованием Клеопатры был Египет, богатейшее средиземноморское царство, и любой римлянин, стремившийся овладеть миром, нуждался в его мощи, в его флоте, в его сокровищах. Союз с Египтом имел огромное военное значение. Цезарь и Антоний жаждали власти, а не любви, даже если Клеопатра и была невероятно привлекательной (а она вполне могла ею быть). Антоний и Клеопатра прожили вместе шесть лет, иногда разлучаясь (он часто отправлялся в военные походы), и за это время она родила ему двух сыновей и дочь. Когда Октавиан нанес Антонию и Клеопатре поражение при Акциуме, они совершили самоубийство, потому что потеряли все: империю, власть, богатство, почет. Романтическая версия их двойного самоубийства строится на том, что они не могли жить друг без друга. Могло быть и так, но они знали и об обычае римлян проводить побежденных врагов по улицам, подвергая их бесконечным унижениям и выставляя их мучения напоказ. А Клеопатра, несмотря ни на что, считала себя бессмертной, воплощением Исиды – богоподобной женщиной, которая должна была обеспечить себе достойное место в загробной жизни. Несмотря на страх или уныние, которые могли одолевать ее в последние минуты жизни, Клеопатра тщательно подготовила свою эффектную смерть: она надела на себя роскошный наряд Исиды и убедилась, что ее обнаружат на ложе из чистого золота.

Мне кажется, что Клеопатра и Марк Антоний безмерно любили и уважали друг друга, одновременно ощущая себя вершителями божественной миссии. Была ли Клеопатра неотразимой? Она была изобретательной, блистательно манипулировала людьми, отлично разбиралась в мужской психологии и могла обладать глубокой, как море, чувственностью, действовавшей гипнотически.

Каждая культура заново изобретает свою Клеопатру, в зависимости от состояния общества и нравственных устоев своего времени. Наше представление о ней перешло к нам от ее прославленного врага, Рима. Октавиан так гордился тем, что сокрушил Клеопатру и заявил свои права на Египет, чтобы подчинить его Риму, что в 27 году до н. э. объявил себя «Цезарем Августом». Он решил назвать в свою честь один из месяцев года, когда победил своего самого упорного врага, Клеопатру – возлюбленную истории, коварную царицу. В ироническом преломлении сюжета «возлюби врага своего» именно падение Клеопатры и стало источником ее будущей блистательной славы.

Искусство в Древнем Египте

История – это вымысел, который мы согласились принять. Даже во время правления Клеопатры летописцы не видели ее без косметики и царских регалий и не были посвящены в главные события ее жизни. Они могли неверно толковать некоторые из ее действий или быть слишком тенденциозными. Близкие к ней люди – родные, любовники, жрицы – могли и не пользоваться ее полным доверием. А если они им и пользовались, то могли и не иметь склонности описывать события. Но даже если эти люди о чем-то и писали, то такие документы не сохранились, а те, которые сохранились, могли содержать преувеличения или скрывать политические мотивы. Так что в лучшем случае мы можем только предполагать. А предположение – это вечная неопределенность.

Ничто не свидетельствует о внутренней жизни народа лучше, чем его искусство. А искусства в Древнем Египте процветали. Приезжие часто отмечали, как много здесь музыкантов, танцоров, сказителей и певцов. Они были поражены размерами и изысканностью статуй, великолепием картин, разнообразием танцев и изящной словесности. В начале XIX века европейские композиторы создавали произведения в жанре симфонической поэмы, средствами музыки рождая такие образы, как пасторальный пейзаж, полет жаворонка или полуденный отдых фавна. А в Древнем Египте танцоры становились движением ветра, простором неба,

жаром солнца. Лирическая поэзия (то есть пение в сопровождении игры на лире) процветала, сказители рассказывали истории, сочиняли морализирующие басни и даже повести о приключениях мореплавателей – скорее всего, именно они и послужили источником вдохновения для Одиссеи Гомера. Выступая на пирах, религиозных церемониях и случайных собраниях, музыканты играли на арфах, лирах, бубнах, систрах, барабанах, лютнях, кимвалах и на флейтах. Когда греческий правитель посетил царский пир в Мемфисе, его ублажали своей игрой музыканты, а потом «среди толпы прошли двое танцоров, мужчина и женщина, отбивая ритм, а потом каждый из них исполнил свой собственный танец с покрывалом. Затем они танцевали вместе, встречаясь и расходясь, а после снова сходясь в последовательных гармоничных движениях. И выражение лица молодого танцора, и его движения красноречиво свидетельствовали о том, как он желает эту девушку, которая постоянно пыталась от него ускользнуть, отвергая его любовные домогательства. Все это действие было изумительно гармоничным, согласованным – живым, грациозным и во всех отношениях приятным».

С помощью искусства египтяне не только чествовали своих богов и фараонов, но и восхваляли Нил, наслаждались диковинной красотой садов и вспоминали городские улицы и сельских жителей. Они видели красоту людей и красоту природы и воспевали ее. Но у египетского искусства была и другая особенность, делавшая его первостепенно значимым, а иногда – и вопросом жизни и смерти.

Египтяне считали: вообразить что-то – значит сделать его реальным. Статуя осла, помещенная в гробницу, согласно верованиям, должна была ожить, чтобы осел послужил покойному в загробном мире. Искусство обладало силой. Оно могло преобразовать материю, покорить время, помочь избежать смерти. У него была магическая цель. И действительно: искусство, которое мы относим к египетскому, в значительной степени было разновидностью фетиша. Прекрасное искусство было в то же время и практическим: мастера подразумевали, что глина станет плотью, нарисованные снопы пшеницы действительно заколосятся, а сияние драгоценного камня обеспечит покровительство божества.

На рисунках мужчин изображали по пояс голыми, стройными и сильными, широкоплечими и с узкой талией – такими, как охотник на изображении созвездия Ориона. Женщины были высокими, с пышной грудью. Они зачастую броско одевались, густо подводили глаза, тщательно заплетали длинные черные волосы и умащивали себя благовониями. Египетские женщины не участвовали в управлении (за редкими исключениями женщин-фараонов), но свободно путешествовали; во многом у них были такие же занятия и досуг, как у мужчин, и они пользовались большим уважением, чем женщины в других странах.

Иероглиф, обозначающий любовь (и как состояние, и как действие), состоит из изображений мотыги, рта и человека, подносящего руку к губам. Разумеется, египтяне, говоря о любви, не особенно задумывались об этимологии этого слова. Но так же и мы, говоря о мышцах, не думаем о мышке, притаившейся у нас под кожей¹. Иероглиф буквально означал «хотеть, выбирать или желать», но он мог включать в себя и представление о длительности, о давнем желании, или, как бы мы сказали, о любви. Большинство египтологов относились к изображениям рта и мотыги не как к символам, но скорее как к звукам – так, как мы воспринимали бы звуки «л» и «б» в слове «любовь». Мне хотелось бы думать, что эти звуки были подобны шелесту ветра среди песка – как если бы человек, сложив губы, как в поцелуе, собирался произнести заветное слово. Но мы не имеем представления, как звучал древнеегипетский язык, – так же как и греческий язык той эпохи. Поднося руку к губам, мы часто сопровождаем этим жестом слова, имеющие отношение к еде, питью, речи, мышлению – к тому, что связано с функциями рта или сердца. (Считалось, что чувства обитают в мозгу.)

¹ Английское слово *muscle* («мышца», «мускул») происходит от латинского слова *musculus* («маленькая мышшь», «мышка»). – *Здесь и далее, если не указано иное, примеч. автора.*

Интересно посмотреть, что значит слово, которым египтяне обозначали любовь. Фрейдист может увидеть в нем сексуальный эвфемизм: длинная, жесткая мотыга символизирует пенис, рот – влагалище, а человек, подносящий руку к губам, – совокупление. Если интерпретировать этот иероглиф именно так, то эта интерпретация подчеркивает, насколько мы одержимы оральным. Однако это слово может иметь и чисто земледельческий смысл: влюбленные возделывают землю своих отношений, выращивают плоды любви, которыми они питают друг друга. Или, может, оно имеет хозяйственное значение. Брак – это главным образом экономический институт, соединяющий кланы, создающий союзы между семьями, объединяющий собственность. На этом изображении нет женщины, присутствует разве что ее символ – рот, или поцелуй, отделенный от конкретного воплощения. Видимо, это объясняется тем, что иероглиф представляет любовь с точки зрения мужчины, дни которого заполнены трудами, а ночи – поцелуями.

Излюбленным местом действия любовных сцен в Египте был сад, и в поэзии часто описывались его виды, воспевались его ароматы. В древние времена в мире пустынь мало что освежало душу лучше, чем представление об оазисе, и образ потаенного сада среди пустынной сухости жизни вскоре стал метафорой любви. В библейской Песни песней (ей предшествовали аналогичные песни в Древнем Египте и в Шумере) царь Соломон говорит своей суженой, что ее девственность подобна ароматному саду, в который он войдет. А потом упоминает один за другим все плоды, которые он сорвет; все благовония, которые он будет вдыхать. Обычно мы забываем, что многочисленные браки царя Соломона были частью языческого ритуала плодородия. У него было семьсот жен и триста наложниц. И если всего нескольких из них он желал столь увлеченно и поэтично, то можно только пожалеть о тех его многочисленных сочинениях, которые были утрачены. А где же любовная лирика Клеопатры? Если принять во внимание ее молодость, ее склонности и долгие разлуки с Антонием, то можно предположить, что она доверяла свои чувства бумаге.

Иероглифическая любовная лирика

Египтологи нашли пятьдесят пять анонимных любовных стихотворений, записанных на папирусах² и сосудах около 1300 года до н. э. Разумеется, любовную лирику писали и раньше, но папирусы и сосуды очень непрочны. Хотя имена авторов этих стихов нам не известны, их, скорее всего, сочиняли и мужчины, и женщины. Некоторые из стихов написаны в виде чередующихся реплик, которыми обмениваются влюбленные. В любовных историях, рассказанных сначала с одной точки зрения, а потом с другой, перед нами предстают души, истерзанные неопределенностью, пылающие жаром сердца. Вот фрагмент типичного любовного стихотворения, написанного иероглифами, – «Любовные беседы». В нем мужчина описывает свою любимую так:

Она прекраснее всех остальных женщин,
 светозарная, совершенная,
 новогодняя звезда, восходящая над горизонтом,
 предвещающая хороший год.
 С изумительным цветом кожи,

² Слово *paper* (англ. «бумага») мы позаимствовали от греческого *papyrus*: так называли материал, которым египтяне пользовались для письма и обертывания. Для изготовления папируса египтяне прессовали и укладывали решеткой полосы из сердцевины длинных стеблей осоки – высокого болотного растения *Cyperus papyrus*, произрастающего в дельте Нила. Папирус не был настоящей бумагой, производство которой требует размола и смешивания компонентов, в результате чего волокна превращаются в жидкую смесь, которую затем откидывают на сетку, чтобы высушить. Считается, что процесс производства бумаги был изобретен в 105 г. китайским евнухом и постепенно распространился на Европу, начавшись с Испании около 1200 г.

чарующая в мгновение ока.
Ее губы околдовывают,
ее шея безупречна,
ее груди – чудо.
Ее черные волосы сияют, как лазурит,
ее руки блистательней золота,
ее пальцы напоминают мне лепестки,
подобные лотосу.
Ее бедра – само совершенство,
ее ноги несравненны, прекрасны.
Ее поступь благородна³.
Мое сердце станет ее рабом, если она обнимет меня.

В другом стихотворении, «Мелодичные песни возлюбленной, встречающей тебя в полях», перед нами предстает женщина, ловящая птиц:

Мой дорогой – мой любимый, – чья любовь дает мне силы,
послушай, что я тебе скажу:
я вышла в поле, где собираются птицы.
В одной руке у меня силок, в другой – сеть и дротик.
Я видела множество птиц, летевших из земли Пунт,
несущих в клювах сладостные благоухания для земель Египта.
Первая птица выхватила приманку из моей руки.
От нее исходил прекрасный аромат, в ее когтях был фимиам.
Но ради тебя, дорогой, любимый, я ее отпущу,
потому что мне хотелось бы, чтобы ты вдалеке
услышал бы пение птицы,
пахнувшей миррой.
Как прекрасно выйти в поля, когда твое сердце
сгорает от любви!
Гусь кричит – гусь, который схватил приманку
и попался в силки.
Твоя любовь смутила меня, и я не могу ее сдержать.
Я сложу сети, но что мне сказать матери,
если я каждый день возвращаюсь без птиц?
Я скажу, что мне не удалось расставить мои сети,
потому что я попала в сети твоей любви.

Эти стихи, написанные больше трех тысяч лет тому назад, включают в себя большинство тех же самых тем, тревог и радостей, которые мы находим в современной любовной поэзии. Вот что волновало египетских влюбленных и продолжает волновать нас; вот некоторые из их главных тем.

1. *Алхимия любви, или Способность преобразжать*. Как это ни печально, но люди всегда были недовольны собой. Даже самые миловидные из нас чувствуют себя так, словно они – вечные гадкие утята, мечтающие превратиться в лебедей. Эволюция сослужила нам дурную службу, развив наши умственные способности настолько, что мы можем вообразить себе недостижимое совершенство. Когда Платон написал, что у всего земного есть идеальный прообраз

³ «В поступи обнаружилась истинная богиня» (*Vera incessu patuit dea*), как сказал бы Вергилий.

на небесах, многие восприняли его слова буквально. Однако для меня те идеальные формы, о которых говорил Платон, значимы не их истинностью, но нашим стремлением к безупречному. Никто не может достичь совершенства, и большинство из нас не часто ждут его от других. Однако мы сами к себе очень требовательны. В Древнем Египте влюбленные, чувствуя себя преобразенными любовью, исходили из подсознательной веры в магию. В мире, полном опасностей и неожиданностей, ее могла объяснить только вера, а управлять ею могла только магия.

Другая особенность алхимии любви – идея усовершенствования. Почему мы так одержимы мыслью *усовершенствовать* все, что нас окружает: газон, отделку дома, нашу судьбу, самих себя? Безотносительно к нашим способностям, мировоззрению или состоятельности мы чувствуем, что с нами что-то не так, и нуждаемся в каком-то внешнем влиянии – вдохновении, порыве, который сделал бы нас энергичными или, наоборот, успокоил. Наверное, так происходит потому, что во многом наш жизненный опыт складывается из размышлений, внутренних монологов и мечтаний. Язык помогает нам выразить чувства, но многие ощущения и настроения невыразимы. А память заставляет нас вспоминать наши многочисленные промахи. И уже не важно, что это были ошибки молодости либо тех времен, когда мы нуждались, были напуганы или не так умудрены жизнью. Мы все равно чувствуем себя обманщиками. Сохраняя наши оплошности в тайне, мы предполагаем, что в мире нет таких же неврастеников, как и мы, и что наши недостатки уникальны. Мы думаем, что у потрясающе красивого человека, к которому нас влечет, просто не может быть изъянов. Он излучает добродетели. Если мы его любим, то восхваляем его, подчеркивая все хорошие качества. Благодаря нашей любви он и сам видит себя в новом свете. Благодаря любви тот, кого любят, начинает ощущать себя привлекательным.

2. *Идеализация любимого с помощью образов, взятых из природы.* Почему человеку приятно, когда его сравнивают со звездами, драгоценными камнями, цветами или благоуханиями? Почему мы не сравниваем друг друга с небоскребами, персидскими коврами, филигранным чугуном, литым, крытыми мостами или дымящимся асфальтом? Нет, иногда мы прибегаем и к таким сравнениям, особенно в современной поэзии, но в основном влюбленные, красноречиво восхваляя друг друга, сравнивают тело любимого или части его тела с солнцем и луной, растениями и холмами. В самом деле: давая рационалистическое объяснение своему плотскому обожанию, влюбленный говорит себе так: «Ее карие глаза темнее ночного сумрака, ее уста свежи как утренняя роса». Или, как описывал свою возлюбленную автор древнеегипетского любовного стихотворения: «Ее черные волосы сияют, как лазурит, ее руки – из чистого золота, как у кумира». Любовь мыслит абсолютами, но единственные известные нам абсолюты – это творения природы или сами боги.

3. *Любовь как рабство.* Иногда я думаю, что все в нашей жизни можно описать или как борьбу за сохранение собственной свободы, или стремление ее у кого-то отнять. Мы так похожи, что можно подумать, будто от лица всех нас может говорить кто-то один. Но если позволить появиться тирану – в стране или в семье, – то в конце концов против него поднимают восстание. Свобода стоит того, чтобы за нее убивали. На протяжении жизни мы ощущаем свою зависимость от семьи, от общества, от возраста, от половой принадлежности, от работы. И еще – от многого неосязаемого: от традиции, от религиозных предписаний, от наших собственных ожиданий и от того, чего ждут от нас другие. Мы содрогаемся при мысли о том, что можем стать рабами болезни или увечья. Быть роботом – это не по-человечески, и мы ценим те странные особенности, которые свидетельствуют о нашей человечности. Подчиняться приказам – значит стоять у самого подножия тотемного столба, а мы, прямоходящие человекообразные, всегда карабкаемся на вершину.

Однако в любви мы становимся добровольными пленниками. Если идею любимого заменить идеей тирана, но сохранить такую же одержимость, такое же раболепие, такую же жертвенность и такую же неопределенность, утратив свободу, что мы получим тогда? Полицей-

ское государство. В банановой республике сердца маленькие тиранчики могут прийти за тобой ночью и забрать для нежных пыток. Любовь придает тирании респектабельности. Она не только порабощает, но дает указания и директивы, объявляет приказы⁴. В стихах влюбленные часто говорят: «Любовь приказала мне идти, и я подчинился». Любовь часто описывают как состояние одержимости, принадлежности. Только нашим правителям и богам мы позволяем владеть нами полностью, душой и телом, как если бы мы были всего лишь куклами чревоущителей, которые приказывают нам действовать и определяют нашу судьбу. Мы воздвигаем храмы и святилища любви, куда входим как просители, и любовь для нас – настоящее священнодействие, религия, располагающая своим личным спасителем, своими служителями и обрядами. Как еще объяснить безрассудство, с которым мы полностью отдаемся любви, если не считать ее проявлением деспотизма или силой природы, сметающим нас божественным торнадо?

4. *Бессилие*. Отсюда, как это ни парадоксально, следует, что любовь – это одновременно и укрепляющее, и выводящее из строя чувство. Влюбленные живут как во сне, томятся, фантазируют, думая друг о друге. Они не могут сосредоточиться на работе, бросают свои привычные занятия. Мы думаем только о любимом, твердим его имя, как заклинание, все наши мысли сосредоточены исключительно на нем; кроме него, никого не существует. Все остальное только отвлекает. Влюбившись, мы существуем в полуобморочном состоянии. Характеризуя таких влюбленных, мы говорим, что они опьянены или околдованы. Никто не находит особенно странным, что время от времени люди ведут себя как ненормальные, теряют способность ясно мыслить, страдают от болей в животе, не могут по-настоящему спать и грезят часами напролет. Это состояние по всем признакам похоже на болезнь, и, как нам об этом напоминает египетская лирика, любовь всегда описывали как болезнь.

5. *Любовь необходимо хранить в тайне от родителей*. Никто не хочет говорить своим родителям о том, что влюбился. Но почему это надо скрывать? Ведь родители тоже флиртовали, влюблялись, испытывали влечение. Однако влюбленные стесняются сумасбродства своей одержимости, пытаются скрыть свои чувства и не хотят, чтобы родственники о них узнали. С этими чувствами связано ощущение греховности или чего-то постыдного. Это, подозреваю, потому, что люди воспринимают свою влюбленность как предательство, как измену, которая отдалит их от семьи. Любовь к родителям будет вытеснена любовью к супругу и детям. Они перебегут в другое племя и поклянутся в преданности посторонним.

6. *Усиление чувств*. «Ее пальцы напоминают мне лепестки, подобные лотосу», – писал древнеегипетский поэт. Любовь обостряет все чувства, вызывает синестезию – соощущение цвета и звука. Все обычные категории меркнут, и человек воспринимает мир свежо, по-новому, как водопад ощущений. Часто мы позволяем себе банальности, когда говорим, что любовь «снова делает нас молодыми» или «делает нас детьми». Но на это можно посмотреть и с противоположной точки зрения. Глядя на играющих зверят, мы понимаем, что они невольно учатся всем основным ритуалам ухаживания. Любовь возвращает нас в то время, когда рядом было меньше тех, о ком надо заботиться, когда мы сильно зависели от родителей, которые давали нам все – еду, тепло, внимание, любовь, нежность.

«Сестра моя, моя невеста»

Обычай древних египтян, почти всех нас шокирующий, – это инцест. Часто влюбленные в стихах нежно называли друг друга братом или сестрой. Однако и для нас, и для людей всех стран мира и всех возрастов инцест – это табу, нечто такое, что страшно и представить, нечто противоестественное и предосудительное. Инцест родителя и его ребенка представляется наи-

⁴ На этом уровне высоковольтного чувства существует тонкая грань между сладостным фанатизмом, острым психозом и даже навязчивым состоянием, которое ведет к насилию.

более омерзительным, потому что основан на силе, подчинении и эксплуатации. Считается, что при этом старший член семьи истязает младшего, невинного и незащищенного. В греческой трагедии Эдип был обречен на слепоту и скитания, потому что он спал со своей матерью, хотя и не знал об этом. Есть что-то особенно оскорбительное в представлении о том, что он вошел частью своего тела в то место, из которого родился. Через несколько веков Фрейд будет высмеивать в кругах психиатров, потешаясь над его гипотезой о том, что мальчики испытывают эдиповы желания – ревнуя к отцу и желая вступить в связь с матерью. Коллеги Фрейда не просто не верили в его теорию; они были в ужасе.

Еще одно основание для решительного табу на инцест, существующее и среди других млекопитающих, состоит в том, что инцест – это крайняя форма инбридинга, то есть близкородственного разведения. Если заключать брачные союзы только внутри небольшой семейной группы, то всему потомству перейдут одни и те же гены. Однако окружающая среда меняется, возникают новые болезни, случаются неурожаи, скот вымирает, появляются новые хищники. В изменчивом мире выживают только изобретательные. Эволюция развивается благодаря смешению родов – таким образом, чтобы всегда было много особей, которые бы могли приспособиться к изменениям. Разнообразие не просто придает жизни пикантность; оно – главный ингредиент эволюции. Генетическое разнообразие необходимо нам для того, чтобы приспособиться к изменению окружающей среды и к тем многочисленным опасностям, с которыми мы сталкиваемся на протяжении жизни. А инбридинг всего за двадцать поколений создаст однородность.

Пример того, что может произойти, если не обуздывать инцест, можно наблюдать теперь в мире животных. Речь идет о тяжелом положении гепарда. Поскольку гепарды находятся под большой угрозой вымирания, и в дикой природе этих бесценных животных осталось совсем немного, какое-то время они рождались от близкородственных особей. Вид их молекулы ДНК под микроскопом вызывает тревогу. По сути, все они – клоны друг друга. Они выглядят одинаково, болеют одними и теми же болезнями, никаких новых черт или качеств своим потомкам не передают. Вирус, который может убить одного гепарда, может убить и любого другого. Во всем животном мире гибриды крепче, приносят больше потомства и живут дольше. Несомненно, что у табу на инцест – биологическая основа, но существует и немало социологических, психоаналитических и антропологических теорий, а самая убедительная аргументация сочетает в себе генетические и социальные факторы.

Единственное, что мы знаем наверняка, – это то, что в далеком прошлом людей было меньше. Миллион лет назад во всем мире жило лишь около полумиллиона человек, что эквивалентно населению города наподобие Осло. Тогда для выживания видов инцест был жизненно необходим. Детская смертность была высокой. Однако по мере того, как племен становилось все больше, больше становилось и возможностей для генетического смешения. И для любви – тоже. Подходящими женщинами обменивались для того, чтобы создавать политические союзы. Как напоминает нам Рэй Тэннэхилл в своей книге «Секс в истории», «“любовь с первого взгляда” возможна только между чужаками». Библия часто сообщает о кровосмесительных браках и относится к ним снисходительно: в ветхозаветные времена браки между родственниками поощрялись. В Древнем Египте обычно вступали в браки с людьми из других семей, но браки между братом и сестрой тоже были в порядке вещей, если это представлялось выгодным. Это не означало, что их союз был полноценным, что дело доходило до совокупления или что они сохраняли верность друг другу, рожая общих детей. Инцест у египтян был практическим способом оставить царскую собственность в семье, поскольку женщины могли ее наследовать. Речь шла об обычае, основанном на экономических, а не на семейных отношениях. Но даже при этом имеются сведения о браках между братьями и сестрами, а не между родителями и детьми. Семья подобна городу-государству, в котором каждому отведена важ-

ная роль, в зависимости от взаимоотношений. Вот к какой путанице может привести перемена ролей в результате брака между отцом и дочерью:

Родившийся сын будет единокровным братом своей матери, пасынком своей бабушки, единокровным братом брата своей матери и не только ребенком своего отца, но и его внуком! Отсюда возникают проблемы идентичности и авторитета: будет ли он относиться к своей матери как сын или как единокровный брат; будут ли к дяде относиться как к дяде или как к единокровному брату?.. Если брат и сестра поженятся, а потом разведутся, то смогут ли они без труда вернуться к своим изначальным отношениям?

В таком случае невозможно будет сохранить не только целостность семьи; повседневная жизнь тоже станет совершенно запутанной. Во всяком случае, брак был полезен для установления родственных связей и распределения ролей в обществе. Инцест не давал развернуться любви и спланировал семью.

Долгое желание

На первый взгляд, древние египтяне кажутся экзотическими, совершенно не похожими на нас существами, и в некотором смысле так оно и есть – но только не в вопросе любви. Наше поведение в любви столь же древнее, как и пирамиды. В любви египтяне были и сентиментальными, и романтичными. Слово, которым они пользовались для обозначения любви, означало что-то вроде «долгого желания». Их любовная лирика со множеством метафор свободна и от чувства вины, и от самоунижения, и от гремучей смеси любви и ненависти, которая так характерна для современности. До нас не дошло египетских текстов о гомосексуальной любви, но древнеегипетская Книга мертвых включает в себя эпизод, где умерший клянется, что он не вступал в связь с мальчиком. Гомосексуальность, похоже, была распространена: у мужчин часто возникало искушение совращать мальчиков, иначе бы не издавались соответствующие запреты. Мы встречаем упоминания о фетишизме, мазохизме и других крайностях. Кроме того, уже тогда заботились о предохранении от беременности: женщины использовали маточное кольцо из слоновьей кожи или помет крокодила. Иногда любовь считали сладостной западней, а иногда – болезнью, о которой мечтают. Ни один бог либо богиня не управляли поступками влюбленных, не мешали их усилиям и не подвергали испытаниям чувства. И хотя влюбленных порой жестоко трепали вихри страстей, они не жаловались на муки любви и не винили высшие силы. Поэзия донесла до нас живые чувства людей, сохранила биение их сердец, и благодаря египетским поэтам мы знаем, что любовь в древности процветала. Любовь – чувство, у которого мало общего с прозой и обыденностью брака, – оказалась вне времени. Египтяне испытывали те же самые сладостные страдания, что и современные влюбленные.

Греция

Мир царственного гражданина

Думая о конце шестидесятых, я вспоминаю, как страстно, с каким пылом пытались тогда переделать общество. Поколение хиппи, галлюциногенов и вьетнамской войны, мы жили в состоянии постоянного смятения. Мы были одновременно и циниками, и идеалистами. Истины, доставшиеся нам в наследство, уже не годились, и мы чувствовали, что изменить их – это и наша привилегия, и наш долг. Наша жизнь напоминала американские горки с их сумасшедшими виражами и вылетами из колеи. Веселиться – значило позволять себе безумные выходки в публичных местах. Рок-н-ролл пьянил нас лозунгами и высокими децибелами. «Война» маячила за всем и всеми. Мы боролись за объединение. Мы протестовали. Нас арестовывали. Мы записывались в армию. Нас в нее забирали. Мы уклонялись или убегали. Мы устраивали сидячие забастовки. Мы занимались свободной любовью. Мы пробовали наркотики и выходили за пределы обыденного сознания. Как и каждое поколение, мы жили с нравственными дилеммами. В университетах мы спорили о политике до, после и даже во время лекций, переписывая их учебные планы.

Эта атмосфера переворота, социальных перемен и надежд вспоминается мне сейчас, когда я описываю Афины V века до н. э. Война и политика привели к появлению радикальной идеи неумолимой демократии, при которой граждане могли излагать свои взгляды, какими бы новаторскими они ни были, и предлагать свои мнения государственному собранию. На общественную должность можно было избрать любого гражданина старше тридцати лет. Ежедневные интриги этого энергичного самоуправления становились предметом судебных разбирательств и лили воду на мельницу слухов. В Афинах жили лишь около тридцати тысяч человек – немногим больше, чем в городке северной части штата Нью-Йорк, где я живу. И тем не менее Афины породили целую когорту блистательных мыслителей и создателей, идеи которых легли в основу западной цивилизации. Многие из них наверняка дружили, их пути постоянно пересекались; по крайней мере, они знали друг друга в лицо. Это был компактный город, где все было пронизано состязательностью: греки обожали устраивать соревнования, физические и интеллектуальные. Быть гражданином Афин значило обладать статусом, престижем, экономическими возможностями (владеть недвижимостью могли только граждане) и ощущением знатности (оба родителя должны были быть афинянами; в IV веке афиняне даже не имели права вступать в брак с неафинянами). В Афинах все вращалось вокруг прав граждан – эти права были священны. Это ощущение гордо объяснял Перикл, и позже эти положения будут приняты колониальной Америкой почти дословно:

Называется этот строй демократическим, потому что он зиждется не на меньшинстве, а на большинстве (демоса). По отношению к частным интересам законы наши предоставляют равноправие для всех; что же касается политического значения, то у нас в государственной жизни каждый им пользуется предпочтительно перед другим не в силу того, что его поддерживает та или иная политическая партия, но в зависимости от его доблести, стяжающей ему добрую славу в том или другом деле; равным образом, скромность звания не служит бедняку препятствием к деятельности, если только он может оказать какую-либо услугу государству⁵.

⁵ Фукидид. Из речи Перикла над могилами воинов (перевод Ф. Г. Мищенко и С. А. Жебелева).

При таких идеалах, при интеллектуальной открытости для всех политика стала для Афин тонирующим средством, однако пользоваться им могли только мужчины. Женщинам не позволялось быть гражданами: политика могла сделать их чересчур энергичными – ведь всем известно, что женщины по природе неразумны, истеричны, прозорливы, склонны к пьянству и одержимы склонностью к плотским удовольствиям. Считалось, что их разум и воля недостаточно сильны, чтобы взять на себя столь жизненно важную ответственность, как самоуправление. Неспособны они и вести оживленные беседы. Жена не ела за одним столом с мужем, а если он приводил гостя, то все женщины дома должны были удалиться на женскую половину. Любую женщину, которая присутствовала среди мужчин, – даже если она участвовала исключительно в разговорах, – считали проституткой. Но это не значит, что к женщинам относились плохо. В греческой литературе о женщинах нередко говорилось с нежностью, а домашние сцены любовно изображали на вазах. Судебные речи часто включали в себя чувствительное упоминание о матери, сестре, жене или дочери одного из участников процесса, и содержался призыв учитывать их интересы. Мужчины не прибегали бы к таким уловкам, если бы они не думали, что эти хитрости подействуют. Однако семья могла быть уверена в чистоте своего рода только при условии, что за женой строго следили. Место ее было в темном подвале дома, рядом с другими богатствами.

Чистокровная афинская девушка должна была выходить замуж молодой, быть девственницей и ни в коем случае не появляться в обществе мужчин. Мужчины женились поздно (как правило, уже за тридцать), и от них не требовалось быть целомудренными. Это значило, что ни у мужчин, ни у женщин не было ровни противоположного пола, с которой можно было бы вступить в любовную связь. Типичный сценарий был таким: воспитанный, образованный, сексуально опытный, политически активный муж средних лет возвращался домой к опекаемой им неграмотной шестнадцатилетней жене. Девушки моложе двадцати лет на улицах не появлялись, так что мужчины не могли их идеализировать или мечтать о связи с ними. А вот красивых подростков на улицах встречали, и только от них исходила эротическая притягательность молодости. Друзья часто встречались в гимназиях, где они могли видеть, как молодые афиняне занимаются физическими упражнениями обнаженными (лишь обвязывая пенис тонкой кожаной полоской, чтобы защитить крайнюю плоть). Поскольку уважаемые афинские женщины жили в изоляции от общества, у мужчин часто были молодые любовники или женщины-куртизанки, к которым можно было заглянуть не только ради утех, но и ради общения.

Люди семейные иногда заводили связи на стороне, при этом любовь не имела ничего общего с браком, цель которого состояла в том, чтобы производить потомство. Согласно Менандру, брачная формула была примерно такой: «Я даю тебе эту женщину (мою дочь) для того, чтобы с ней ты посеял и взрастил законных детей». Взаимоотношения с женщинами ассоциировались с земледелием, с полями, которые нужно засеять и собрать с них урожай. Мужчины олицетворяли разум и культуру, а женщины – дикие силы природы, которые предстоит обуздать мужчинам.

Мир женщины

Над камином в моей гостиной висит большая гравюра под названием «Диана на охоте». Чувственная богиня прыгает, изгибается, она вся в движении; она и ее спутницы почти голые бегут по лесу и, словно воплощая собой пыл, преследуют оленя, на которого охотятся. Известная также как Артемида, эта «охотница непорочная и чистая» источала чувственность и энергию. Она наслаждалась природой в самых первозданных ее проявлениях. «Владычица зверей», она была покровительницей диких животных и присутствовала рядом с ними, двигаясь словно легкое дуновение ветра или бесплотный солнечный свет. Кульминацией греческой свадебной церемонии был момент, когда девушка отрекалась от Артемиды, своей богини-покровитель-

ницы, и присягала на верность Деметре, богине земледелия и замужних женщин. Деметре (буквально: «матери-земле») как-то удавалось быть одновременно и неэротичной, и плодovitой. Идеальная жена была подобием возделанной пустыни, запущенной земли, которую расчистили и сделали плодородной. А все социальные, интеллектуальные, культурные и романтические потребности мужчины должны были удовлетворяться где-то на стороне.

Женщины в Древней Греции отмечали два особых праздника. Афинские матроны ежегодно проводили тесмофории. К участию в них не допускались ни женщины низшего социального класса, ни мужчины, и эти торжества предварялись периодом сексуального воздержания. В качестве своего контркультурного праздника куртизанки, проститутки и их любовники проводили откровенно распутный фестиваль Адония, на котором чествовали возлюбленного Афродиты, Адониса. Это был предельно чувственный карнавал, праздник плоти, включавший в себя символический посев семян в горшки на крышах. Под ослепительным средиземноморским солнцем побеги прорастали быстро, приобретали яркий цвет, но так же быстро и увядали. На небольшом пространстве соломенной крыши сеяли семена: это действие проходило быстро, было увлекательным, но никто не ждал от него обильного урожая. Может быть, при этом цитировали строки из стихотворения Мимнерма:

Без золотой Афродиты какая нам жизнь или радость?
Я бы хотел умереть, раз перестанут манить
Тайные встречи меня, и объятья, и страстное ложе⁶.

Если отважные, умные, образованные, беспечные и гордящиеся этим афинянки с большими запросами хотели разговаривать в смешанном обществе на интересные им темы, то они становились куртизанками. И хотя жизнь этих женщин была нестабильной, а иногда и унижительной, они, по крайней мере, могли пользоваться сокровищами афинской культуры. Они были элегантными и остроумными, сведущими в искусстве и политике, а их ремесло было чем-то средним между профессиями гейши и проститутки. Мужчин восхищали в куртизанках именно те таланты, развивать которые они запрещали своим женам. Однако Афины изобиловали парадоксами. Споря о демократии и ратуя за нее, граждане зачастую владели рабами, с которыми они иногда предавались удовольствиям. Кроме того, по сходной цене и не испытывая к ним особых чувств, можно было воспользоваться интимными услугами уличных проституток. Сандалия одной из них пережила тысячелетия; гвоздики на подошве при каждом шаге оставляли на земле надпись-приглашение: «Следуй за мной».

Мужчины, любящие мужчин

Любовные отношения, а не просто сексуальные связи также возникали между зрелыми мужчинами и юношами. Эти отношения были сочетанием любви и опеки; они благословлялись обществом и восхвалялись в философии и искусстве. «Аристократическим идеалом, – отмечал историк Чарлз Бай, – было сочетание физических упражнений, призванных сформировать красивое тело, и музыки и поэзии, чтобы сформировать красивую личность». В «Облаках» Аристофана есть раздел, в котором даются наставления юноше:

как быть скромным; как сидеть так, чтобы не выставлять напоказ промежность, а поднявшись с песка, разглаживать отпечаток ягодки, чтобы его не увидели; как быть сильным... Упор делался на красоту... Красивый мальчик – значит хороший юноша. Воспитание было связано с мужской любовью; эта идея была частью афинской идеологии, основанной

⁶ Перевод В. В. Вересаева.

на спартанских идеалах... Юноша, вдохновляемый любовью к старшему мужчине, будет пытаться подражать ему, что и составляет суть воспитания.

А старший мужчина, испытывая желание к красивому юноше, будет делать все возможное, чтобы сделать его лучше.

Так или иначе, но теория была такой: педерастия должна была стать изысканным этапом в воспитании мальчика. Однако на практике не всегда происходило столь целомудренно. Греческая литература изобилует сценами бесстыдной или пошлой любви, мучительной или обманутой, сопряженной с пьянством или несущей смерть. В «Птицах» Аристофана один зрелый мужчина говорит другому:

Пускай отец смазливенького мальчика
Меня бранит, когда со мною встретится:
Прекрасно, нечего сказать, с сынком моим
Ты поступил! Помывшись, из гимнасия
Он шел. Его ты видел. Ты не стал его
Ни целовать, ни лапать, ни тащить к себе.
И другом быть мне хочешь после этого⁷.

Платон, обедая с Сократом и его друзьями, иногда обсуждал скабрзные темы. Его диалог «Пир», или «Симпосий» (от греческого слова, обозначающего совместное возлияние), – это пиршество и для чувств, и для ума. Мы и теперь обсуждаем идеи за едой, во время обеденных перерывов, оттачивая мысли и обмениваясь изысканными репликами⁸.

Мой первый опыт преподавания был связан с Университетом Питтсбурга. Там я познакомилась с миром пытливых студентов – выходцев из рабочей среды. Однажды я проводила семинар о поэзии для абитуриентов, затянувшийся допоздна. Мы все перешли в расположенный поблизости бар «Пит», где мои студенты пили ирландский виски «Джеймсон» и легкое пиво «Айрон-Сити». Их обедом были сваренные вкрутую яйца, которые они окунали в соус табаско. И там, среди гвалта, под музыку для работяг, они, перебрасываясь словами на диалекте, провели собственный импровизированный «симпосий». Среди тем, которые они с легкостью обсуждали, были вопросы о противопоставлении природы воспитанию, об эстетических идеалах, о цели любви. Сами того не осознавая, они обсуждали то же, о чем беседовал Платон. «Как вы думаете, что важнее, – спросила меня в тот вечер молодая женщина, – истина или красота?» – «Это одно и то же», – не раздумывая, ответила я, предлагая ее вниманию идеал, установленный несколько тысячелетий назад в Греции, а позже использованный Джоном Китсом в стихотворении «Ода к греческой вазе»: «В прекрасном – правда, в правде – красота. / Вот знания земного смысл и суть»⁹.

В Афинах считалось, что красивые люди – морально достойные. Да и как могло быть иначе в мире симметрии, равновесия и гармонии? Мы продолжаем подсознательно верить этому ложному тождеству и теперь, приписывая привлекательным людям высокие цели, замечательный ум, хороший характер. Многочисленные исследования показывают, что симпатичные школьники получают лучшие оценки, симпатичные преступники получают менее суровые приговоры. В Греции красавца мужчину наделяли превосходными моральными качествами: врожденная добродетельность должна была проявлять себя как красота. Из этого следовало, что к делам гомосексуальной любви нужно относиться с религиозным рвением и видеть в ней

⁷ Перевод С. Апта.

⁸ Теория любви Платона рассматривается в моем эссе «Платон: совершенный союз» (Plato: The Perfect Union).

⁹ Перевод В. Микушевича.

вселенскую правду. Легко представить, что это приводило к пронизывающему всю душу благоговению, и религию двоих мы называем романтической любовью. Когда женщины не скрывали своей любви, их считали похотливыми и неразумными. А когда мужчины любили мужчин, они боготворили одновременно и телесную красоту, и добродетель, воплощенные в облике любимого. Не признавать этого значило впасть в ересь.

Наверное, мужчины с удовольствием занимались любовью и со своими женами, а иначе такая пьеса, как «Лисистрата» Аристофана – в которой женщины устраивают сексуальную забастовку, чтобы заставить мужчин прекратить Пелопоннесскую войну, – не имела бы смысла. Однако идея самодостаточной семейной пары, в которой супруги удовлетворяют большинство потребностей друг друга, не была популярной, равно как и идея живущего частной жизнью мужчины, который прекрасно обходится без других. Например, слово «идиот» имеет греческое происхождение: греки называли так мужчин, которые не участвовали в политике.

Семья

Воспитываясь на женской половине дома, как в гареме, дети редко видели своих отцов; и, следовательно, их матери, сосланные на женскую половину, наверняка оказывали на них чрезвычайно сильное влияние. По всей вероятности, там имели место и сдерживаемый гнев, и неприязнь, и зависть, и разочарования. Каким это было примером для любви? Особенно печальным такое существование было, по всей видимости, для молодой девушки. Если она стремилась к интеллектуальной жизни или к каким-то приключениям, то это означало, что ей придется жить безнравственно и отказаться от святости материнства. В земледельческой Греции, с ее одержимостью урожайностью, мать воспринималась как богиня земли, существо почитаемое и магическое. Беременная богиня заключала в себе силы природы, брызги молока из ее груди превращались в звезды Млечного Пути. Беременная женщина, занимавшаяся повседневными делами, символизировала все это таинственное плодородие.

В этом непростом мире, питавшемся живыми мифами, которые большинство людей воспринимали буквально, все боги и богини были связаны между собой. В их пантеоне семья – это все. Однако семья – это не только дом в Афинах; это и сам город, о делах которого знают все мужчины и в них участвуют. Как только у мужчины рождались законные наследники, женам становилось немного легче: они даже могли развестись, чтобы снять с себя узы особенно неудачного брака. Это не значит, что афинские женщины не заводили связей на стороне, как добрачных, так и внебрачных, но тех, кто так поступал, считали бесстыдными и безнравственными. А какие у них были возможности встречаться с мужчинами? Плутарх в жизнеописании Солона сообщает, что, если женщина выходила из дома днем, ее должен был кто-нибудь сопровождать, а с собой она не имела права брать ничего, кроме накидки и небольшого количества пищи. После захода солнца она могла ездить только в повозке с фонарем впереди. Некоторые женщины находили отдушину в лесбийской любви, или «трибадии»¹⁰ (в том виде, в каком это было известно), следуя примеру Сапфо, одной из самых искусных и чувственных лирических поэтесс. Другие, несомненно, находили более непритязательные решения – наподобие описанных историком Рэем Тэннэхиллом:

Для греков мастурбация была не пороком, а отдушиной, о чем имеется множество упоминаний в литературе... Милет, богатый торговый город на побережье Малой Азии, был центром производства и экспорта того, что греки называли «олисб», а более поздние поколения менее благозвучно – «дилдо»... Этот появившийся в древнегреческую эпоху фаллоимитатор изготавливался из дерева или из кожи, которую чем-нибудь набивали. Перед

¹⁰ Слово происходит от греческого глагола *tribo* – «тереть».

использованием его обильно смазывали оливковым маслом. Среди дошедших до нас литературных свидетельств III века до н. э. есть небольшая пьеса, представляющая собой диалог между двумя молодыми женщинами, Метро и Коритто. Он начинается с того, что Метро пытается позаимствовать у Коритто ее дилдо. Коритто, к несчастью, одолжила его другой подруге, которая, в свою очередь, одолжила ее другой.

Думаю, можно с уверенностью предположить, что жизнь в браке была далеко не счастливой и редко становилась для кого-то из супругов средоточием любви. Мужчины могли заводить интрижки открыто, тогда как женщинам приходилось делать это тайком и как придется, в зависимости от обстоятельств.

Кроме того, в отличие от других древних культур, у греков существовало почитание двух богов любви – Афродиты и Эроса. Идея любви играла в их жизни такую важную роль и настолько их волновала, что им требовалось целых два штатных, на полный рабочий день, бога, чтобы обращаться к ним с просьбами или их винить. Согласно Гомеру, к Троянской войне привела шутка, которую Афродита сыграла с Еленой. Любовь была настолько произвольным и сильным чувством, что она не могла не иметь какого-то потустороннего происхождения. В своей книге «Происхождение сознания в процессе краха бикамерального разума» (The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind) Джулиан Джейнс предполагает: то, что теперь мы называем «сознанием», или «рефлексией», доисторические люди слышали как своего рода приказ чревоушателя и воспринимали его как слова бога, говорящего им, что делать. Любовь приносила столько страданий, что невозможно было поверить в ее земное происхождение. Гомер, в отличие от позднейших греческих поэтов-лириков, не занимался исследованием психологии любви. Рассказанные как бы со стороны, с точки зрения проникательного наблюдателя, любовные истории Гомера повествуют о том, как, преодолевая трудности и расстояния, люди достигали своего, и их приключения заканчивались счастливо. Мы знаем, что у царя Менелая была молодая жена Елена и что, когда ее похитили, царь начал войну, чтобы ее вернуть. Но мы не очень-то знаем, какие чувства супруги испытывали друг к другу. И только Кристофер Марло, английский поэт XVI века, предположил, что Елена была настолько прекрасной, что ее «красота отправила в плаванье тысячу кораблей». Так из-за чего началась Троянская война – из-за любви к женщине или из-за того, что у царя украли его собственность?

Орфей и Эвридика

О глубине любви мужчины к женщине лучше говорит греческий миф об Орфее и Эвридике. Орфей был сыном Аполлона и Каллиопы («возглашающей прекрасное слово», музы эпической поэзии), родившей его около реки Эвр во Фракии. Его отец был смертным, фракийским царем. Фракийцы были известны во всей Греции как искусные музыканты, и Орфея считали самым талантливым из фракийцев. Когда Орфей играл на лире и пел, перед ним не мог устоять никто – ни люди, ни животные и растения, ни неодушевленные предметы. Его музыка проникала во все формы материи, на уровне атомов и клеток, и он мог менять течение рек, передвигать скалы и деревья, укрощать диких зверей. От его пения уже зашедшее солнце могло взойти снова и покрыть жемчужной дымкой вершины холмов. В юности он был аргонавтом и спас своих товарищей от роковых чар сирен. Когда они запели свою жуткую, гипнотизирующую песню, гребцы поплыли к ним, однако музыка, которую заиграл Орфей, стала противодействием этому усыпляющему зову. Его чудесное, чистое пение помогло спутникам прийти в себя и осознать опасность, а затем уплыть в безопасные воды.

Мы не знаем, как он встретил Эвридику, не знаем никаких подробностей их романа, хотя он наверняка покорил ее пением. Она была нимфой, одной из юных девушек, живших в лесах и в пещерах. Нимфы были свободными духами самой дикой природы, порождениями Земли.

Они охотились вместе с Дианой, пировали с Дионисом и проводили время со смертными, с которыми иногда вступали в брак. Однако у Орфея и Эвридики почти не было шансов насладиться супружеской жизнью. Вскоре после свадьбы Эвридика, гуляя по лугу, встретила распутного Аристея (одного из сыновей Аполлона), который набросился на нее. Эвридике удалось вырваться от него и убежать, но нападение привело ее в такое смятение, что по пути она не заметила спавшую на солнце змею. Эвридика наступила на ее хвост, змея обвилась вокруг ноги, укусила Эвридику в лодыжку, и девушка умерла. Через несколько часов Орфей нашел в поле ее тело. Убитый горем, он решил спуститься в подземное царство мертвых, отыскать там жену и вернуть ее. Ходил слух, что в подземное царство можно спуститься из пещеры Тенарон. Туда он и отправился, взяв с собой лиру. Путешествие, которое задумал Орфей, было страшным, но мысль о потере любимой была для него невыносима. К тому же он знал, что против его музыки не может устоять ничто на Земле. Он рассудил так:

Моим пением
я зачарую дочь Деметры,
зачарую властителя мертвых,
тронув их сердца моей мелодией.
Я уведу ее от Аида.

Чем глубже в пещеру спускался Орфей, играя самую нежную, самую печальную песнь, тем большую силу обретала его музыка. Духи пещеры сжалились над ним и не причинили ему вреда. Печальный Харон охотно переправил его через реку Стикс. Охраняющий врата подземного царства Цербер, свирепый трехголовый пес, покрытый шерстью из змей, увидев Орфея, лег и позволил ему идти дальше. Своим чарующим горестным пением Орфей проложил себе путь в царство Аида. Там он пел до тех пор, пока земля не насытилась его голосом, – пел так прекрасно, что мертвые возрадовались, а тех, кого в наказание истязали, освободили от мучений на день, чтобы они могли послушать его голос. Царь и царица Аида были тронуты. Пение Орфея пробудило в них столь новые, неожиданные чувства, что они нарушили установленные правила, и их жестокие сердца умягчились. Так царь Аида оказал Орфею, первому из смертных, необычайную милость: ему разрешили забрать с собой супругу в мир света.

– Но только с одним условием, – предостерег царь Аида. – Тебе нельзя оборачиваться. Супруга может последовать за тобой в верхний мир. Однако если ты обернешься хоть раз, чтобы посмотреть на нее до того, как вы оба выйдете к свету, ты потеряешь ее навсегда.

Орфей согласился. Эвридику позвали, и он повел ее обратно по тому же пути, каким и пришел, распевая песни надежды и избавления, ибо ему снова удалось невредимым пройти мимо Цербера, переплыть реку Стикс и войти в пещеру. Там он начал подниматься по крутому склону, карабкаясь вверх по скользким камням. Опасаясь, что Эвридика может поскользнуться, Орфей искал для нее самый легкий путь. Чем выше он поднимался к выходу из пещеры, тем более исступленным и экстаичным становилось его пение. Наконец Орфей достиг вершины, и перед ним засиял яркий солнечный свет. Радостно обернувшись к Эвридике, он, к своему ужасу, понял, что обернулся слишком рано – до выхода на свет ей оставался последний шаг. Орфей наклонился к Эвридике, но та с криком «Прощай!» снова исчезла в подземном мраке. Обезумев от отчаяния, Орфей бросился за ней, нашел Харона и стал умолять перевезти его через реку Стикс еще раз. «Обратно меня возить не придется», – говорил Харону Орфей. Он воссоединится со своей супругой в смерти. Однако Харон был непреклонен. Целую неделю Орфей, рыдая, сидел на берегу, голодал, покрытый грязью и илом. Наконец он, в глубокой печали, вернулся во Фракию, где следующие три года блуждал один, пытаясь изгладить даже мысль о женщинах. Со временем он стал жрецом, исполняя нехитрые обязанности в маленьком сельском храме. Давший обет безбрачия, он одиноко играл на своей лире, и ему внимали рас-

тения и животные. Как всегда, его пение завораживало лес и трогало саму природу. И только менады – неистовые и неопрятные спутницы Диониса, – ненавидели певца, прежде всего за то, что он не участвовал в их оргиях и отвергал всех женщин. Музыка Орфея выводила менад из себя: она портила им настроение и вызывала нервную дрожь. Вспыльчивые, раздражительные распутницы с дикими пристрастиями, однажды утром менады замыслили убийство. Обнаженные по пояс, они затаились, поджидая его, около храма. Увидев Орфея, менады набросились на него с камнями и копьями, а потом разорвали на части голыми руками. Они вырвали ему руки и швырнули их в траву, затем стали дергать за ноги, а когда земля пропиталась кровью Орфея, они оторвали ему голову и бросили ее в реку вместе с лирой. Это могло бы стать его концом. Однако его лира, пlying вниз по течению, начала играть сама по себе. Она играла печальную погребальную песнь, а потом в оторванной голове Орфея чудесным образом начал шевелиться язык, и он запел погребальную песнь самому себе. Под ее звуки Орфей выплыл в море и исчез в волнах. А над ними медленно разносилась его печальная песнь.

Мало какие из мифов пересказывали и образно интерпретировали так часто, как этот. Почему Орфей оглянулся? Это особенно меня удивляло. Потому что он не поверил богам? Или это была человеческая, слишком человеческая реакция, когда он не услышал шагов Эвридики, – ведь даже и его магические дарования не могли заглушить в нем человечности? Или это было фрейдистское, саморазрушительное желание погубить свою жизнь? Или он оказался таким самонадеянным, полагая, что музыка сделала его могущественней богов? А вдруг эта оплошность проистекала из его таланта, и для него, превосходного музыканта, время текло по-другому? Или автору мифа просто захотелось усилить трагизм этой истории? А может, боги, понимавшие человеческую природу лучше, чем ее понимают люди, знали, что Орфей оглянется, и потому ничем не рисковали, разрешив Эвридике пойти с ним? Если сценарий таков, то, выходит, Орфею было предназначено обернуться, а их садистское удовольствие состояло в том, чтобы позволить ему дойти до последнего края, веря в собственную победу? Или это говорит о том, что за любой талант нужно платить? Может быть, эта история учит тому, что каждый должен знать свое место, а именно: *«Вот что произойдет с тобой, если ты попытаешься перехитрить богов»*. Или, может, этот урок заключает в себе социальный подтекст, имеющий отношение к неравенству полов: чувствительность Орфея-музыканта и его замечательную интуицию могли считать чисто женскими свойствами, недостойными мужчины. Кроме того, в Греции женщина была собственностью мужчины. Возможно, Орфей, выходя на свет, просто полагал, что должен взять с собой «свои вещи». Его трагедией, вероятно, было то, что он не подумал об Эвридике как об отдельной личности со своей судьбой.

В балете Баланчина, музыку к которому написал Стравинский, во всем виновата Эвридика. Во время всего обратного пути она цепляется за Орфея, тормозит его, дергает его, всячески стараясь, чтобы он обернулся и посмотрел. В конце концов она добивается своего, заставив его обернуться и увидеть ее без прикрас. Но это почти то же самое, что винить Еву во всех грехах мира. Как бы ни интерпретировали эту историю, она завораживала греков, владела их сердцами и умами. Завораживала она и каждое поколение после них как пример преданности, самопожертвования и силы любви. В этом мифе даже после смерти влюбленных продолжает звучать мелодия их любви. У нее собственная судьба. И это напоминает нам о том, что любовь – это самое возрождающее в мире чувство, которое может и низвергнуть человека в глубины ада, и вывести его обратно, стоит только поверить. Пожалуй, в любви это доступно и смертному, и обратной дороги нет.

Рим

Кошмар девушек

Корнелия, маленькая девочка из соседнего дома, еще не знает, что она тезка Корнелии Гракх, матери семейства римских государственных деятелей I века до н. э. Я пишу эти строки и смотрю, как она играет на упавшем дереве, соединяющем два наших участка. Соседи всегда знают, где начинаются и где заканчиваются их владения. Граница не меняется, но конец бревна на своей территории мы называем «началом», а тот, что дальше, – «концом». Так же мы называем рождение и смерть.

Думаю, это потому, что время и жизнь мы воспринимаем в развитии; о том, что время не стоит на месте, человечество догадалось давным-давно¹¹, а движение собственной жизни каждый человек открывает для себя заново. Однако и в нашей личности, и в наших действиях очень много унаследованного. Наверное, существует ген застенчивости. А сын моего друга, Айзек, умел кокетничать с самого дня своего рождения. В прошлом году, когда ему было семь лет, он встретил меня у двери их дома на Лонг-Айленде, обхватил меня руками, крепко обнял, взобрался на меня, а потом сказал: «А ты кто?» Его любовь – как горный ручей: естественная, неудержимая.

В свои пять лет Корнелия общительна и приветлива, но не назойлива. Я знаю девочку с самого ее рождения, и она всегда была самостоятельной, независимой, любознательной. Она любит змей, червяков, гусениц и слизней. Но это не извращенный интерес к грубым или жутким существам, который зачастую встречается у маленьких мальчиков, обнаруживших, как можно пугать взрослых и очаровывать девочек, держа в руках что-то страшное. Нет, Корнелии просто интересна сама природа. У нее есть куклы, игры и обучающие игрушки, есть маленький братик, который только учится говорить, есть няня, которая сидит с ней днем, когда родители на работе. Однако много счастливых часов она проводит во дворе одна, открывая для себя и рассматривая насекомых, цветы кизила, желуди и грибы. Ей нравится называть насекомых именами: ее любимое имя для гусениц – Злюка. Когда я назвала живущего на заднем дворе ужа Бесконечный Мир, это ее явно озадачило, но она поняла мою потребность дать ему имя. Еще она поняла, что должна похвалить мой выбор: мы же подруги, – что и сделала, но без особого энтузиазма.

Она еще не научилась лицемерить, как этого требует общество, но она учится. Она не знает, что заново, по-своему, повторяет то же, что делал Адам, – дает имена животным. Она просто ощущает настоятельную потребность сделать природу личностной. Она не знает, что те детсадовские симпатии, которые появились у нее на прошлой неделе, – это варианты той любви, с которой ей в полной мере придется иметь дело потом. Дело в том, что она – одна из двух старших детей в группе, и другие дети добиваются ее расположения. И суть не в том, что принадлежность к ее кругу придает кому-то особый статус (такую же зависть к «кругу избранных» можно встретить и среди шимпанзе и других приматов); просто некоторые мальчики в нее влюблены. На прошлой неделе Нэйтан, без памяти влюбленный пятилетний мальчик, несколько раз лягнул ее в лодыжку, тем самым выразив свою симпатию, но Корнелия разозлилась и сказала ему, что больше с ним не дружит. Пораженный до глубины души, Нэй-

¹¹ В I в. до н. э. солнечные часы произвели на людей неизгладимое впечатление. Ими были зачарованы и знатные люди, и простые горожане. Однако самые первые солнечные часы были изобретены в Египте примерно за три тысячи лет до нашей эры; они состояли из вертикального шеста, установленного так, чтобы его тень показывала, как движется по небу солнце. Берос, вавилонский жрец и астроном III в. до н. э., усовершенствовал солнечные часы. И греки, и римляне пользовались водяными часами в те дни, когда солнце не светило.

тан вернулся домой рыдая, потому что Обожаемое Существо его прогнало. Вечером его мать позвонила матери Корнелии, и они вместе выработали план восстановления дружеских отношений. Сначала придется намекнуть девочке, что она, может, была чересчур сурова с Нэйтаном, а потом отвести ее к нему в гости, чтобы они поиграли вдвоем. Детям в результате очень понравилось. В этой маленькой драме власти, обожания, изгнания и воссоединения Персис, мать Корнелии, увидела зачатки любви и с нежной горечью вздохнула, рассказывая мне эту историю рано утром во время одной из наших пробежек.

– Нэйтан такой впечатлительный и ранимый, – сказала она. – Уже сейчас можно догадаться, как потом какая-нибудь девушка разобьет ему сердце.

И как раз тут мы добежали до холма, оставив позади фиолетово-серый Индейский центр образования, неровно скошенное баскетбольное поле и кирпичные домики общежития первокурсников. Мы снизили скорость, чтобы пешком подняться по крутому склону вверх, и у нас появилась возможность поговорить.

– Как ты думаешь, а какой будет Корнелия в любви? – спросила я.

Взглянув вдаль, Персис улыбнулась, как она иногда делает, играя со своими детьми, и взволнованно покачала головой.

– Не знаю, – сказала она, и по ее лицу было заметно, что на нее нахлынули воспоминания. – Ужасно хочу посмотреть, жду не дождусь.

Она сказала это без всякого выражения, словно речь шла о спектакле, который ей предстоит смотреть со стороны, но мы-то обе знали, с каким волнением воспримет это Персис. Ведь тогда ей придется быть одновременно и советчицей, и наблюдательницей, соблюдая непростой баланс между этими ролями. Наверное, это трудно – помогать ребенку залечивать его первые любовные раны. И сразу приходит на ум образ шлюпки из гавани: она проводит корабли по безопасному фарватеру между подводными скалами и цепляющимися коралловыми рифами и выводит их в просторы расстилающегося впереди моря.

Персис надеется, что ее дочь выйдет замуж за того, кого она полюбит. Но во времена Корнелии Гракх это было немыслимо. Девочки были счастливы тем, что вообще остались в живых, потому что прерогативой отца было бросать на произвол судьбы новорожденных, особенно дочерей, оставляя их в безлюдных местах. Каким бы жутким ни казался этот обычай, могу себе только представить, что для римлян он был обыденным: родившийся из праха, ребенок должен вернуться в прах. Отец мог решать участь ребенка при рождении в зависимости от пола. И что же должна была чувствовать в течение девяти месяцев мать, не зная, какая участь ждет ее дитя, которое она уже любила? Мать была океаном, несущим своего ребенка к пристани жизни, но ребенок мог выжить только в том случае, если отец сохранил ему жизнь, привязав его к жизненному причалу канатом своего имени. В слове «собственнический» содержится некое напоминание о маниакальных приступах ревнивой ярости, и это слово дает представление о том, как римляне относились к своему имуществу. Все, чем владел мужчина, повышало его статус. По мере того как он приобретал земли, рабов, скот, богатство и жену, та тень, которую он отбрасывал на землю, как будто бы становилась все длиннее и длиннее, словно благодаря приобретениям он и сам мог расти, захватывая новые части планеты. Может быть, мать утешала себя мыслью, что после смерти ее малютка-дочь обретет, как писал Лукреций, «крепкий сон и долгую спокойную ночь». Может, она не чувствовала себя несчастной, а испытывала ощущение фаталистического возрождения. Люди, выращивающие урожай и скот, остро чувствуют циклические процессы природы и обычно признают, что

как дереву – время нам расти и время гнить,
иную жизнь своею смертью возродить¹².

¹² Драйден Джс. Переводы из Лукреция. О природе вещей. Против страха смерти. (Перевод Д. Никоновой.)

И тем не менее женщины часто устраивали так, чтобы их брошенных детей спасали, и тайно отдавали их на воспитание другим.

Но это не значит, что римляне не чувствовали нежности: достаточно лишь почитать их литературу, чтобы обнаружить потоки страсти, пронизывавшие все сферы их жизни. Да и сам Рим – первый мегаполис мира, население которого составляло почти три четверти миллиона жителей, – появился, по легенде, в результате бурного любовного романа, волнующие подробности которого знает каждый римлянин. Захватывающий, трагический рассказ об этом поэт Вергилий приводит в своей эпической поэме «Энеида»¹³. Хотя эта история, как предполагалось, разворачивалась в далеком прошлом, читателям Вергилия в I веке до н. э. она наверняка казалась реалистической, во многом отражая существующие, узнаваемые отношения. А история такова.

Дидона и Эней

После падения Трои троянский герой Эней пустился в плавание, чтобы найти себе новую родину. Из-за шторма он, оторвавшись от большинства своих спутников, прибыл к африканскому побережью близ Карфагена – города, основанного Дидоной, которая и была его царицей. Сделавшись по волшебству невидимыми, Эней и его друг Ахат прокрались в город и обнаружили, что в нем полным ходом идет масштабное строительство: возводятся театры, пристань, храмы и мастерские, кипит бурная деятельность. Это поразило Энея, и он выразил желание поселиться здесь. И тут со своей свитой появилась лучезарная царица Дидона. Вскоре спутники Энея тоже нашли дорогу к городу. Подойдя к царице, они рассказали ей, что их предводитель Эней пропал в море, и попросили убежища на время, пока они будут чинить свои разбитые бурей корабли. Рассказ о несчастьях тронул Дидону, и та сердечно приняла гостей, сожалея только о том, что вместе с ними не спасся и Эней. Услышав это, Эней и Ахат решили заявить о себе:

Чуть лишь промолвил он так, – и тотчас же вокруг них разлитое
Облако разорвалось и растаяло в чистом эфире.
Встал пред народом Эней: божественным светом сияли
Плечи его и лицо, ибо мать сама даровала
Сыну кудрей красоту и юности блеск благородный,
Радости гордый огонь зажгла в глазах у героя...¹⁴

Царица была, разумеется, поражена, и Эней словно напроорочил ее судьбу, сказав: «Я здесь, перед тобой – тот, кого ты ищешь...»

На самом деле она его не искала, но он появился в нужное время. Безутешная вдова, Дидона была неистовой в страсти женщиной, большой любительницей драматизировать свое положение, которая поклялась, что

Тот, кто был моим первым мужем,
забрал с собой, когда умер,
Мое право любить;
и пусть он в могиле сохранит его навсегда.

¹³ В великолепной, потрясающей опере «Дидона и Эней» английского композитора XVII в. Генри Пёрселла трагедия передается простыми мелодиями по мотивам баллад и мадригалов.

¹⁴ Стихотворные переводы в этой главе С. Ошерова.

Однако «навсегда» – это слишком долго, а Эней, судя по всему, – именно тот «рожденный небесами». Ему предстояло вновь распалить «старое пламя», о котором она почти забыла.

Старое пламя. Удивительно, сколько у нас с древними общих метафор любви и возбуждения. «Я в огне!» – надрывно кричит Брюс Спрингстин в своей недавней рок-песне. В другой песне (тоже написанной Брюсом Спрингстином) вокалистки группы «Сестры Пойнтер» поют: «Я говорю, что не люблю тебя, но ты-то знаешь, что я вру, потому что, когда мы целуемся, вспыхивает такое пламя!» Дидона говорит о таком же восхитительном пожаре. Заметим, что она говорит не о физической боли от опаленной кожи, но о разгорающемся невидимом, изначальном «пламени» в каждой клетке, которое горит все ярче. Любовь питает пламя бесчисленных сигнальных костров в военном лагере ее тела. Дидона не только находит Энея физически привлекательным; ее очаровывают и его рассказы о военных и морских приключениях. Хотя они и принадлежат к разным культурам, у нее с ним много общего. Они оба царского рода. И самое главное, она воспринимает его страдания как свои собственные:

Бедствий таких же сама я извела много: повсюду
Нас Фортуна гнала и лишь здесь осесть разрешила.
Горе я знаю – оно помогать меня учит несчастным.

Свою щедрость она выражает в том, что отдает спутникам Энея сотни быков, овец, свиней и много другой провизии. А для него самого устраивает особый пир и просит оставаться здесь столько, сколько он пожелает. Сама того не подозревая, Дидона безумно влюбляется и вскоре, «одичав от страсти... бесцельно бродит по городу, ярясь от желанья, подобно раненой лани». Однажды Дидона берет Энея на охоту; налетает буря, и они укрываются в пещере, где предаются любви и обмениваются клятвами. И для Дидоны, и в римском миропонимании это означало брак. Даровав влюбленным бурный медовый месяц, время супружеского счастья, боги решают, что Энею предназначено основать новый город в Италии, и приказывают ему немедленно возвращаться. Там, дескать, он обретет свою утраченную родину. Разрываясь между любовью и долгом, Эней решает втайне убежать в сумерках, ничего не сказав Дидоне. Хотя это и кажется трусостью, читатель его прощает, потому что свою решимость герой во многом утратил именно из-за сердечных волнений. Когда слух о его замысле достигает Дидоны, та теряет голову от горя. Властная, деятельная, всемогущая царица внезапно чувствует себя беспомощной и ненужной. Ее путь в будущее исчезает за облаком пыли, и она теряет свой внутренний ориентир. Жизнь без любви – это ночная пустыня, населенная волками. После смерти первого мужа сердце Дидоны погрузилось в сон. Она была опечалена, но возобновила прерванные дела. Если она и стала бесчувственной, то, по крайней мере, не страдала. Это прямо как в сказке про Спящую красавицу, когда прекрасный принц приходит, чтобы пробудить ее от сна без сновидений. С Энеем она рискует всем, распахнув свое сердце так широко, что это делает ее уязвимой. Когда он ее предает, она гибнет. Плач Дидоны – это вечный, вне времени, гимн брошенной женщины, которая то изводит себя, то умоляет любимого остаться. Почти в исступлении она умоляет его, то взывая к логике, то идя на все уловки, какие она только может придумать. Ни один человек на суде так не настойчив, ни один адвокат так не искусен, как любящая женщина. Вот небольшой пример того, как она страдала:

Заклинаю слезами моими,
Правой рукою твоей, – что еще мне осталось, несчастной? —
Ложем нашей любви, недопетой брачною песней:
Если чем-нибудь я заслужила твою благодарность,
Если тебе я была хоть немного мила, – то опомнись,

Я умоляю тебя, и над домом гибнущим сжался.
Из-за тебя номадов царям, ливийским народам,
Даже тирийцам моим ненавистна стала я; ты же
Стыд во мне угасил и мою, что до звезд возносила,
Славу сгубил. На кого обреченную смерти покинешь,
Гость мой? Лишь так назову того, кто звался супругом!

<...>

Если бы я от тебя хоть зачать ребенка успела,
Прежде чем скроешься ты! Если б рядом со мною в чертогах
Маленький бегал Эней и тебя он мог мне напомнить, —
То соблазненной себе и покинутой я б не казалась.

Но когда ни одно из этих молений Энея не тронуло, и стало очевидно, что он действительно собирается ее покинуть, Дидона приходит в ярость и начинает желать ему злосчастья, бурного моря и гибели. Потом она берет ложе, где они предавались любви, собирает вещи, которые он еще не забрал (меч, который она ему подарила, одежду), приносит их на внутренний двор и там складывает костер. Поднявшись на его вершину, Дидона падает на меч Энея и погибает, зная, что он увидит ее погребальный костер со своего корабля. Далее в «Энеиде» описывается, как Эней, допущенный в подземное царство, чтобы навестить своего отца, увидел там призрак Дидоны, скитающейся по лесу наподобие блуждающего огонька. Преисполненный жалости, он молит ее о прощении и клянется ей, что не хотел ее покинуть: таково было неумолимое предписание небес. Он говорит с ней нежно, «пытаясь смягчить призрак со страстным сердцем и безумным взглядом». Однако Дидона безучастна к его словам и в конце концов убегает, не простив его и «продолжая его ненавидеть».

Семья

Жесткие правила римской жизни были установлены для предотвращения подобных драм непоколебимой страсти и безумной любви. Скованные законами и общественными условностями, римляне восхваляли моногамию, трудолюбие и аскетизм, но охотно предавались плотским утехам и проявляли невоздержанность в других тайных удовольствиях – почти так же, как много веков спустя это делали некоторые представители высшего слоя викторианской знати. Ригоризм, стоицизм и отказ от искушений были частью образа идеального отца. Родные дети называли его господином, и от него ждали, что он станет образцом строгого поведения. Как он мог противостоять искушениям? Тяжелым трудом, ибо добродетели проще восторжествовать в изнуренных членах. Матери же разрешалось время от времени быть снисходительной. Женщинам позволялось иметь чувства и иногда совершать безумные поступки.

Не только браки, но и усыновления использовались для того, чтобы укреплять связи между семьями и увеличивать их богатство. Дети считались имуществом, которое в любой момент можно обменять на деньги или власть, а родители часто оставляли своих чад нянькам и слугам, которые их и любили. Воспитанный няней, опекаемый *педагогом*, мальчик должен был изучать мифологию, греческий язык и литературу, риторику и другие благородные предметы. В отличие от греков, которые полагали, что важно не только воспитывать ум, но и тренировать тело, римские ученики не тратили половину своего времени на физические упражнения. Благородный человек должен был знать мифологию, даже если он в нее и не верил. Образование ценилось не за открытость ума, которую оно давало, а за престиж, который оно представляло. Образованный человек был уважаемым человеком. Девочке не нужно было учиться, потому что в четырнадцать лет ее объявляли взрослой и сразу же выдавали замуж. В конце концов, если муж этого хотел, он сам мог дать ей образование. Юношам предоставлялась свобода

иметь любовников и любовниц, посещать проституток, однако после женитьбы им полагалось оставить позади все эти шалости и стать почтенными главами семьи. Странной особенностью римского законодательства было то, что мужчина любого возраста и семейного положения подчинялся своему всевластному отцу. Отцовское осуждение было подобно смерти. Взрослые сыновья были бессильны в глазах общества, и можно себе представить, как унижительно было для взрослых мужчин просить разрешения у отца, чтобы начать свое дело, делать карьеру и даже жениться. Доходы сына принадлежали его отцу, который в любой момент мог лишить его наследства. С одной стороны, по закону от женщины, когда она выходила замуж, требовалось согласие, но, с другой стороны, она не могла идти против воли отца. Поэтому легко понять, почему так часто случались ужасные семейные ссоры, в результате которых дети оставались без наследства или же убивали отцов.

В Древнем Риме рабам не разрешали жениться, и о том, как они жили, сохранилось мало сведений. Вступая в брак, уважаемые римские граждане не привлекали к этому государство. Свадьба сопровождалась множеством обрядов и церемоний, но никаких юридических процедур не проводилось. Никаких мировых судей, никаких бумаг на подпись. Однако законы наследования требовали, чтобы дети были «законными», так что все должны были знать, что пара действительно заключила брак. Можно было иметь случайных свидетелей, но считалось благоразумным устроить свадебный пир или, по крайней мере, иметь пару свидетелей. Подарки дарили по доброй воле или, может, для того, чтобы привязать гостей к семьям брачующихся. Жених давал невесте кольцо, которое она носила на том же пальце, что и сейчас. Авл Геллий объясняет, почему выбрали именно этот палец:

Если вскрыть человеческое тело, как это делают египтяне, и его рассечь, то обнаруживается очень тонкая жилка, которая начинается у [безымянного] пальца и доходит до сердца. Именно поэтому сочли подобающим предоставить этому пальцу, предпочтя его прочим, честь ношения кольца, учитывая его связь с главным органом.

Говорилось, что мужчина «принимает» руку своей невесты, а кольцо символизировало, что вместе с рукой она отдавала само свое существо, самую сокровенную его часть. Касаясь друг друга руками, они всякий раз касались друг друга и сердцами. Свадебный обряд свидетельствовал о сочетании божественных и человеческих законов, объединении духовного с гражданским в союзе всей жизни. Невеста была в белом, с поясом, завязанным «узлом Геракла», который муж с нетерпением мечтал развязать в интимной обстановке после свадьбы. Ее волосы были тщательно убраны и покрыты ярким оранжевым покрывалом, символизовавшим закат. Гости бросали зерна, желая паре обильного потомства. После церемонии проходил прием, на котором пили за здоровье новобрачных, а потом невесту, на счастье, переводили через порог. Если свадебная церемония римлян кажется нам очень знакомой, то это потому, что многие из ее обрядов были усвоены христианской церковью, которая, проявив мудрость, сохраняла традиционные обычаи всякий раз, когда это было возможно. Кроме принесения в жертву животных, мало что изменилось. Потом наступала брачная ночь, которую историк общества Поль Вен описывает так, что она представляется какой угодно, но только не нежной:

Первая брачная ночь имела вид законного изнасилования, после которого женщина становилась «оскорбленной своим мужем» (а он, привыкший распоряжаться рабынями по своему усмотрению, не видел большой разницы между изнасилованием женщины и инициативой в половых отношениях). Обычно новобрачный воздерживался от того, чтобы лишать свою жену девственности в первую брачную ночь, принимая во внимание ее робость, но компенсировал свою снисходительность тем, что над ней издевался.

Брак заключался не для того, чтобы создать любовную пару: его цель состояла в том, чтобы производить на свет детей, заключать выгодные союзы и завязывать родственные связи. Однако отношения в браке были учтивыми: надеялись, что муж и жена станут друзьями и будут между собой ладить. Брак существовал не для счастья и не для удовольствия. Секс был нужен для рождения детей. Всякие лишние поцелуи или прикосновения считались блажью, и стоическая философия осуждала напрасные усилия. Женщины все еще считались низшими существами, но как женам им гарантировалось уважение. В Древней Греции женитьба была гражданским долгом мужчины. Роль гражданина вытесняла его роль мужа и главы семьи. В Риме мужчине следовало жениться, но еще от него ожидали, что он станет добропорядочным мужем. И действительно: уважаемый мужчина обращался справедливо со всеми своими иждивенцами – слугами, детьми, рабами, женой. Была ли она любима как равный партнер сердечного союза на всю жизнь? Составляла ли она со своим мужем настоящую пару? Занимаясь любовью, наслаждались ли они сексуальностью друг друга? Весьма сомнительно. Римляне восхваляли гармонию в семье как нечто ценное и желательное, но она была бонусом. В изгнании поэт Овидий как-то написал о своей нежности к жене и о «любви, которая нас объединяет». Но он знал, что такой нежный союз – большая редкость. Овидий часто искал и находил любовь где придется, но обнаружить ее дома, после его блужданий и в минуты праздности, когда он просыпался каждое утро, даже когда он ел или одевался, – было наслаждением. Занимался ли он со своей женой любовью днем? Если да, то они это делали втайне и с тайным же удовольствием, возникающим от нарушения табу, поскольку мало что считалось таким же непристойным, как дневной секс. Любовников считали тихими ворами, скрытыми ночным мраком; и только редкие отблески луны освещали их тела.

О, победа!

У нас есть причины представлять себе римлян сексуальными гладиаторами, занимавшимися любовью при любых обстоятельствах, где угодно и с кем угодно. Или – распутными пьяницами, наслаждающимися долгой братской пирушкой. Римляне не видели ничего постыдного в пенисе: он был для них эстетическим объектом или объектом почитания. Фаллические предметы появляются в их искусстве и как образы силы, власти, защиты, и как образы секса. Латинское слово *fascinum*, означающее «колдовство», связывалось с фаллическим богом Фасцинусом. Родители вешали детям на шею амулет в виде пениса, чтобы защитить их от сглаза. На Палатине, одном из центральных холмов Рима, находился храм, посвященный богу плодородия Мутунусу Тутунусу, изображавшемуся в виде пениса. Жрицы и замужние женщины украшали статую бога цветами, а новобрачные держали его изображение в своих спальнях. В день свадьбы невеста должна была сесть на изваяние Фасцинуса, отдавая свою девственность, как священное приношение.

Однако, несмотря на все пирушки, зрелища и фаллических богов, римляне подчинялись многим пуританским запретам. Супружеские измены и инцест относились к разряду табу, равно как и секс с обнаженными женщинами. Проститутка могла снять с себя всю одежду, но хорошенькая девушка оставалась, из скромности, хотя бы в лифчике¹⁵. К оральному сексу среди мужчин-гомосексуалистов или женщин-лесбиянок относились терпимо. Мужчин так могли ублажать куртизанки, но для мужчин считалось отвратительным и унижительным удовлетворять женщин оральным способом. Унижительность этого состояла в представлении, что таким образом мужчина раболепствует перед женщиной. Римляне были помешаны на маскулинности. В гомосексуальных отношениях это означало, что мужчина в них должен быть ско-

¹⁵ Словом, существовавшим у них для обозначения бюстгальтера, было *mamillare*, и римлянки явно нуждались в этой разновидности белья, потому что в латинском языке существует целых два слова, которыми называли женщин с пышной грудью, – *mammosa* и *mammeata*.

рее активным, чем пассивным. И для мужчин, и для женщин главное состояло в том, чтобы стать активным, а не пассивным – чтобы служили тебе, а не служить самому. Самое главное, они не хотели быть рабами кого-то или чего-то – в том числе и любви. Сознание своей принадлежности к высшему кругу касалось не только положения человека относительно других людей: это же касалось и идей. Страсть поработает – как бы охотно мы ни носили ее оковы. Любовь отвлекала человека от гражданских забот, и поэтому считалась своего рода социальным предательством. Поскольку любовь подразумевала зависимость от женщины – нравственно низшего существа, – она понижала статус мужчины. Из-за любви человек терял над собой контроль – по этой причине в обществе, одержимом идеей власти, она считалась дурным чувством.

Однако любовь была и подстрекательством к восстанию, бунтом против разума, восстанием против общества, мятежом отдельно взятого человека. Писателям всегда нравилось быть летописцами революционности. В книге Томаса Эдварда Лоуренса «Семь столпов мудрости», на основе которой был снят фильм «Лоуренс Аравийский», арабский вождь провозглашает: «Я – река для моего народа». В каждую эпоху поэты становились реками, изобилующими чувством, которое объединяло крестьян и городских жителей, питало влюбленных. В Древней Греции таким поэтом была Сапфо, яркая и смелая. Она писала о любящих друг друга женщинах столь пленительно, что слово «лесбийский» образовали от названия ее родного острова Лесбос. В Риме было много поэтов, писавших о любви, и каждый был по-своему оригинален. В их числе – и дерзкий неврастенический Катулл, и «романтические» Тибулл и Проперций, и «эпический» Вергилий, и Овидий, описатель и мастер любви.

Овидий и наука любви

Овидий родился в провинции, в семье из всаднического сословия. В юности он переехал в Рим и большую часть своей жизни посвятил сочинению игривых, чувственных стихов, отражавших распутную мораль высшего римского общества, объявившего тотальную войну скуке. Женщины обрели больше свободы и уверенности, чем раньше, но у них не было доступа к общественной жизни. Как ехидно отметил один исследователь: «Им позволялось делать очень многое – учитывая, что они не делали ничего конструктивного». Большую часть своей творческой энергии они посвящали косметическим процедурам, украшениям, вечеринкам и любовным интрижкам. Овидий был женат трижды, а романы заводил множество раз. Так что когда он писал о бурных любовных страстях, то исходил из своего опыта. Судя по его стихам, он был в постоянном возбуждении. Он тосковал, вожделел, страдал, флиртовал, зубоскалил, говорил колкости, домогался – и все это в блистательных, язвительных стихах. В присущем только ему интроспективном, почти современном, стиле он храбро пишет о случающейся с ним импотенции, иногда – о фетишизме и о ревности. Он досконально анатомирует свою страсть. «Любовные банальности» Овидия часто цитировались, но, когда он написал «Науку любви», искусно составленный «учебник обольстителя», он стал «порочным баловнем» Рима. Заглянем в него:

Воинской службе подобна любовь. Отойдите, ленивцы!
 Тем, кто робок и вял, эти знамена невмочь.
 Бурная ночь, дорожная даль, жестокая мука,
 Тяготы все, все труды собраны в стане любви.
 Будешь брести под дождем, из небесной струящимся тучи,
 Будешь, иззябший, дремать, лежа на голой земле.
 <...>
 Сколько, однако, греха ни скрывай, всего ты не скроешь;
 Но и попавшись врасплох, все отрицай до конца.

Будь не более ласков и льстив, чем бываешь обычно:
Слишком униженный вид – тоже ведь признак вины.
Но не жалей своих сил в постели – вот путь к примиренью!
Что у Венеры украл, то вороти ей сполна¹⁶.

На свое несчастье, Овидий опубликовал «Науку любви» в правление Августа – в то время, когда император серьезно озаботился падением рождаемости в городе. Ужасные показатели бесплодия, выкидышей, рождения мертвых младенцев в Риме были, скорее всего, результатом хронического отравления свинцом. Ежедневно римляне невольно потребляли свинец и через трубы, доставлявшие питьевую воду, и через пудру на основе свинца и другую используемую женщинами косметику, и через кастрюли и сироп, которым они подслащали дешевое вино. Кроме того, мужчины постоянно перегревали тестикулы, что делало их бесплодными. Дело в том, что и мужчины, и женщины проводили много времени в банях, где они парились, а мы теперь знаем, что горячая вода и перегрев тестикул могут привести к сокращению количества спермы. Какой бы ни была причина этого бесплодия, но в 18 году до н. э. Август попытался исправить это положение, введя систему наград и наказаний. Он установил строгие брачные законы, чтобы предотвратить появление на свет незаконных детей (потому что их могли аборттировать или убивать), поощрял семьи, в которых рождалось много детей. Супружеские измены отныне рассматривались не только как частное, семейное дело. Август поручил их рассмотрение судам и даже придал статус антигосударственной деятельности. Впредь, постановил он, любой мужчина, обнаруживший неверность своей жены, должен с ней развестись; в противном случае он будет предан суду и сам. После этого жену и ее любовника нужно было выслать (в разных направлениях). Половина их имущества подлежала конфискации, и им запрещалось заключать друг с другом брак. Муж имел право воспользоваться услугами проститутки, но не мог содержать любовницу. Вдов обязывали вступать в повторный брак через два года, а разведенных – через полтора. Бездетные пары, как и неженатые мужчины, подвергались дискриминации. Родителей с тремя или более детьми награждали. Промискуитет (беспорядочные половые связи) подлежал наказанию. Август намеревался укрепить институт семьи, но произошло наоборот. Уровень разводов резко поднялся, поскольку только после развода можно было невозбранно флиртовать, не опасаясь судебного преследования.

Учитывая все обстоятельства, надо признать, что это была совсем не идеальная обстановка, чтобы публиковать руководство по супружеским изменам. Однако Овидий решил сделать это именно тогда. Почему? Потому что он был человеком озорным и независимым. Думаю, он считал себя торговцем непристойностями, который балансировал на грани как поставщик нелегальной морали. Во всяком случае, он произвел сенсацию в высшем обществе, встретил живой отклик и прослыл шалуном. Это возмутило и раздражало Августа и дало повод для сурового обращения с Овидием. Однако факты свидетельствуют о другом, указывая, что Овидий был втянут в какой-то тайный скандал на высшем уровне. Никто не знает в точности, что произошло, – отчасти потому, что Овидию велели выбирать между молчанием и смертью, – однако содержащиеся в его сочинениях намеки наводят на мысль об одной из двух причин. Или он осмелился вступить в любовную связь с женой императора, и император это обнаружил, или он был посвящен в готовящийся государственный переворот. Если императрица его полюбила (а это вполне могло произойти после того, как она прочитала его стихи), то Овидий оказался в затруднительном положении. Он не мог с уверенностью сказать ни «да», ни «нет». Что бы ни произошло, но повод был достаточно серьезным для Августа, чтобы сослать поэта в далекое, дикое место, где он провел остаток жизни, тоскуя по изысканности и веселью Рима.

¹⁶ Перевод М. Гаспарова.

Некоторые ученые считают Овидия порнографическим писателем, интересовавшимся только любовными завоеваниями. Забавно, что и спустя столько времени люди все еще возмущены его откровенностью. Некоторые возмущаются его бравадой. Как и Шекспир, Овидий обещает своим подружкам, что благодаря его стихам они станут бессмертными. И, знаете ли, он оказался прав. Мы все еще вздыхаем, читая про его любовницу, Коринну, искусительницу и героиню его ранних «Любовных элегий». Хотя мы и не знаем, кем она была на самом деле, но возможно, она была его первой женой. Они были двумя молодыми людьми, «двумя подростками, исследующими полный опасностей мир взрослых страстей и искушений, играющими в особые игры сначала с обществом, а потом – через “опасные связи” – друг с другом...». В произведениях Овидия можно найти полный спектр любви – от целомудренного обожания до непристойного потворства своим страстям. Хотя Август и запретил «Науку любви», она пережила века как блистательно пронизательное размышление о любви, тщеславии и искушении.

Украшая досуг

Чем больше и разнообразней становился Рим, прирастая новыми землями, чем изобретательней становились его жители, тем больше возможностей открывалось и для любви. Отчасти это объяснялось тем, что поиски развлечений стали разновидностью времяпровождения. Если греки стремились совершенствовать тело гимнастикой, то римляне совершенствовали досуг. Он мог быть шумным и отличаться новизной, но непременно устраивался на широкую ногу. Римские женщины располагали большей свободой, что добавляло им самоуверенности и самоуважения. Греческие женщины были настолько привязаны к дому, что у них было мало возможностей встретить мужчин, с которыми они могли бы завязать роман, даже если они этого и хотели. А вот у римских женщин было и время, и возможности для интрижек. Да и мораль была достаточно гибкой, чтобы их романы находили понимание, даже если официально они и не дозволялись. Женщины привилегированного класса были одержимы собственной внешностью, посвящая все утро прическам, макияжу и выбору идеальных аксессуаров для своих нарядов. Днем они обедали, ходили за покупками, занимались домом, а потом обновляли свой макияж и готовились к ужину. мода всегда была признаком принадлежности к высшему классу, равно как и умение оригинально развлекаться, но они были одержимы и тем, чтобы усилить и подчеркнуть свою физическую привлекательность. Украшательство могло быть разновидностью рекламирования, а новым товаром, который они могли предложить, была их ценность и желанность.

Власть зиждется на порядке. Любовь анархична. Мы хаотичны и эмоциональны, всеми силами стараясь навязать свои порядки всему, что нас окружает, и покарать тех, кто не живет в соответствии с нашими идеалами. Прогуливаясь этим утром, я почувствовала аромат куста жимолости, благоухавшего так сладостно и приятно, что я обернулась, чтобы посмотреть, откуда исходит этот запах. Я не собиралась сворачивать с пути ради удовольствия, но ничего не могла с собой поделать. Так и любовь отвлекает человека от самых важных планов, от самых выверенных путей, от самых ясных целей. Римское представление об общественном порядке укреплялось, но и царство любви – тоже. Как бы Август ни пытался законодательно утвердить нравственность, он боролся с мятежной страстью, которая для людей настолько естественна, что, по сути, он воевал с природой. Для римлян любовь не была достаточно веской причиной для брака, но все понимали, как она сильна, и, как бурная река, способна смести с пути все трудности, преодолев и закон, и смерть.

Средние века

Рождение рыцарства

В Средние века Франция была полна парадоксов. Чума, голод и грязь были неизменными спутниками людей. Так называемых ведьм регулярно сжигали на кострах, всякого рода еретиков пытали и изгоняли. Аристократы шли войной друг на друга, словно разыгрывали партию в шахматы. Воюя, они уничтожали урожаи, терроризировали города и целыми семьями убивали многочисленных безвинных людей. Шайки разбойников рыскали по деревням, грабя и сжигая все на своем пути. Никто не чувствовал себя в безопасности – ни от природы, ни от других людей. В то же время в Европе постепенно складывалась цивилизация, основанная на новом мироощущении. Население росло, строились новые города, земледелие, благодаря усовершенствованным плугам и другим орудиям, было на подъеме, купцам было чем торговать, ремесленники работали в городах, а паломники путешествовали по суше и по рекам.

Мир пришел в движение. Неслучайно на церквях стали появляться шпили. Вся эпоха была пронизана символизмом шпиля, соединяющего землю и небо, конкретное и абстрактное: приземистые, бросающиеся в глаза лачуги – воплощение материальной приземленности, бедности и утомительного труда, – и возвышенные реалии невидимого града. Придет ли избавление от земных трудов и невзгод? Неужто жалкая жизнь окончится лишь преисподней? Людей манили небеса, которые они представляли себе чистыми, светлыми, благоуханными и ярко сияющими. (Испокон века женщины, хоть и воспринимались созданиями нечистыми, почему-то были обязаны поддерживать чистоту дома. Люди судили женщину по тому, насколько чистым был ее дом, а члены семьи – опрятными. От женщин требовалось быть «чистыми» и в сексуальном смысле.)

Если говорить об этимологии, то слово шпиль (*spire*) – это стрелка, росток, побег. Шпили соборов той эпохи, изваянные в камне и украшенные цветочными почками, несли весть о том воскресении, которое сулила весна. Весной я часто проходила около соборов и смотрела на их шпили сквозь ветви деревьев с точно такими же набухшими почками, как и тогда. Наверняка в Средневековье прохожие точно так же поднимали глаза, и эта символика несла им утешение. Сохранились письменные свидетельства о том, что в пасхальные дни крестьяне, толпясь в церковных дворах, устраивали там шумное языческое ликование, что вызывало гнев священников. Однако людей притягивало неземное. Они надеялись, что на небесах избавятся от тягот повседневной жизни, найдут отдых и утешение. Это было время чрезвычайного подъема духовности. В этой атмосфере контраста между приземленным и возвышенным возник ритуализированный кодекс поведения под названием «рыцарство»¹⁷, призванный примирить сферы военного дела и религии, дав им общего врага. Ощущалась потребность в таком нравственном толковании, которое позволило бы Церкви терпимо и искренне относиться к воинам, а воинам – без душевного смятения отстаивать собственные ценности. Воины, став рыцарями своего сеньора, теперь, как предполагалось, боролись за правду, добродетели, благочестие и веру. В ходе торжественной церемонии посвящения рыцарь должен был очистить свою душу исповедью, причаститься и принести священные обеты. И после этого он был свободен убивать за святое дело.

¹⁷ Слово «рыцарство» в его английском написании (*chivalry*) производно от французского слова для обозначения всадника и, в расширительном смысле, рыцарственного поведения. Из того же источника произошло и французское слово *cavalier* («всадник, рыцарь», от латинского *caballus* – «конь»).

Нелегко было жить рыцарям, единственным делом которых оставалась война. А сражаться им приходилось в рукопашном бою, в доспехах, которые не отличались гибкостью и весили около двадцати килограммов. Главным оружием были копья, мечи и боевые топоры. Их использовали и в таких ситуациях, когда два всадника на полном скаку неслись навстречу друг другу. В результате столкновения по крайней мере один из двух всадников падал на землю, подняться с которой ему было не проще, чем опрокинутой черепахе вернуться в прежнее положение. Рыцарь должен был обладать недюжинной силой и энергией, и, если он в полной мере не проявлял доблести, он был обречен носить на себе клеймо неженки. Рыцарей часто ранили, их раны нагнаивались. Выживали только самые молодые и крепкие. Чтобы воинство не превратилось в потенциально опасную, неуправляемую силу, кодекс поведения требовал от рыцарей быть при общении с мирными жителями учтивыми и любезными. Денди последующих эпох, эффектно бросавшие свои плащи поверх луж, чтобы женщины могли перейти через них, не запачкав ног, унаследовали свою галантность от рыцарей. Слово рыцаря было его обязательством и гарантией; нарушить его – значило совершить предательство. Во всяком случае, это входило в кодекс чести. Однако нередко идеал отличался от реальности. Воины оказывались профессиональными бандитами, разрешавшими споры насилием; иногда они убивали и грабили своих сеньоров, за которых сражались, или, воспользовавшись своим рыцарственным обликом, соблазняли девушек, которых они совращали или насиловали. По воспоминаниям одного рыцаря, Жоффруа де Ла Тура Ландри, он и его дружки могли ворваться в деревню, наговорить небылиц местным девушкам, чтобы склонить их к любви, и ускакать, как банда сутенеров в доспехах.

Когда рыцари не воевали, они участвовали в турнирах. Турниры устраивали аристократы, чтобы убить время, из желания устроить человеческий вариант петушиного боя. Турнир мог идти целую неделю, сопровождаясь разными мероприятиями вперемешку с боями. В турнирах участвовало около сотни рыцарей, сражавшихся друг с другом попарно или в группах. Подобно лошадиным бегам или кулачным боям, сопровождающимся пирушками и увеселениями, турниры тоже не обходились без пиров и развлечений. Они привлекали людей из всех слоев общества, включая поклонниц рыцарей, картежников, аферистов, проституток, продавцов безделушек. Если рыцарь погибал во время турнира, то Церковь расценивала это как самоубийство, а это означало, что он отправлялся напрямик в ад. Однако даже и это не отпугивало рыцарей, на кону у которых стояло многое: они могли выиграть приз, стяжать славу, произвести впечатление на женщин. Турниры давали им шанс выиграть доспехи и лошадей, а также закрепить знания рыцарского кодекса – и все это на небольшой сцене, в безопасных декорациях. Познав тяготы тотальной войны, рыцарь не обращал особого внимания на этикет и церемонии.

В начале XII века в Крестовых походах побывала половина французских рыцарей, и к ним присоединялись рыцари из Англии и Испании. Первый крестовый поход оказался кровавым, ужасным, но успешным: вынуждая мусульман отступать все южнее, крестоносцы изгнали их из Иерусалима. Рыцарей, возвращавшихся из Святой земли, воспринимали как героев-победителей. Можно представить, какое упоение и восторг они должны были испытывать, чувствуя оправдание своим деяниям, не говоря об ощущении того, что им помогал Бог. Многие из них, наверное, страдали от того, что теперь мы называем синдромом посттравматического стресса, – ведь все видели, как жестоко убивали мечами их друзей. Горячие молодые мужчины, дерзкие, неукротимые, привыкшие к кровопролитию, интригам, жаждали новизны. Они познали вкус восточных пряностей, они привезли блестящие шелка и ароматные, чувственные духи. Какое искушение для людей Запада!

Рыцари воспевали завоевания, распутство и храбрость или – что было для них пределом утонченности – славили природу, даровавшую им прекрасные поля, чтобы они, рыцари, могли убивать на них врагов. Такие героические эпосы, как «Песнь о Роланде», прославляли воинское

братство, а поскольку в замках все было связано с рыцарями и с войной, с галерей в замках звучали именно эти песни.

Пока мужчины сражались в чужих землях, управлять имуществом зачастую приходилось женщинам. Хотя и Церковь, и общество считали женщин ни на что не способными, нравственно неустойчивыми и неумелыми существами, остававшимися на всю жизнь детьми, женщины управляли имуществом так умело, что это повышало их авторитет и самооценку. При необходимости они даже участвовали в судебных тяжбах. Это существенно не изменило их положение во французском обществе, но придало им уверенности в себе, расширило их социальные связи и улучшило правовой статус. Получив право принимать решения, женщины, разумеется, обрели большую свободу действия и, что еще важнее, большую свободу мысли. А это дало им возможность мечтать о любви, нанимать трубадуров и позволять себе интрижки.

Надо помнить, что, по христианской традиции, эротичная любовь считалась опасной – потайной дверью, ведущей в ад. Такая любовь не дозволялась даже мужу и жене. Мужу разрешалось целовать, ласкать и гладить свою жену – при условии, что он не будет испытывать от этого настоящего удовольствия. Половые потребности считались нормальными и приемлемыми, а страсть – нет. Всякий мужчина, испытывавший к своей жене слишком сильную чувственную страсть, совершал прелюбодеяние. Вместо этого им полагалось жить вместе, как деловым партнерам, питая друг к другу взаимную симпатию, ладить между собой – ну и заодно рожать детей. Всепоглощающая любовь в семейных взаимоотношениях была исключена.

Книги о любви

Большинство представлений о любви складывалось при чтении трудов дохристианских или христианских мыслителей. Книги были редкостью, но студенты могли их найти в монастырских или соборных библиотеках. Там же они могли читать те немногочисленные сочинения греческих или римских авторов, которые уже были переведены. Платон был популярен потому, что он отрекся от материального мира и отказался от плотских удовольствий. Обуздание телесного и, одновременно, устремленность к духовному идеально сочетались с тем, чему учило христианство. И Платон, и Цицерон восхваляли возвышенную, лишённую чувственности любовь между мужчинами, и это находило отклик у безбрачного духовенства. Читая у Вергилия о Дидоне и Энее, студенты узнавали о любви как о безумной страсти – смеси блаженства и смертельного риска. Люди могли умирать от любви – а это значит, что она наверняка была несчастьем и бедствием, влекла за собой смертельное уныние. Фривольная «Наука любви» Овидия открывала для них мир чувственных наслаждений. Однако в стихах Овидия они находили и описания той нежной любви, которую он испытывал к женщинам. Миф об Орфее и Эвридике учил их героизму любви, ведущей в глубины подземного царства и снова выводящей в мир живых.

От христианских авторов они узнали о любящем и милосердном Боге. Теперь мы воспринимаем это представление как нечто само собой разумеющееся, но древним эта мысль казалась поразительной. Языческие боги не тратили свою любовь на людей, которыми они зачастую играли, как играют с комнатными собачонками. Гигантские, чуждые, наделенные магическими способностями, боги тем не менее очень походили на людей садизмом, наглостью и капризами. В противоположность им одержимый любовью ветхозаветный Бог велит своему народу в первую очередь «возлюбить Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими». Ощущать любовь – это нравственный долг человека. Это же представление развивается и в Новом Завете, откуда мы узнаем, что «Бог есть любовь», что «так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного» и что нужно любить ближнего своего, как самого себя. Это новое представление о значимости любви раскрывается в пронзительном описании апостола Павла:

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. <...> А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше¹⁸.

Библия учит, что любовь Бога безусловна, что это дар, отданный безмерно любящим родителем. Ее не нужно завоевывать, и она устремлена не только на тех, кто ее заслуживает. Альтруизм выглядит как моральное благо, даже если любовь к ближнему требует миссионерского рвения. Никто из тех, кто не обратился в христианство, не спасется, так что обращение ближнего – это величайшее благо, которое можно для него сделать.

Гетеросексуальная любовь в Ветхом Завете иногда бывает очень земной, очень материальной и восхитительно чувственной – как, например, это выглядит у Соломона, когда он обращается к своей невесте:

Этот стан твой похож на пальму,
и груди твои – на виноградные кисти.
Подумал я: влез бы я на пальму,
ухватился бы за ветви ее;
и груди твои были бы
вместо кистей винограда,
и запах от ноздрей твоих, как от яблоков;
уста твои – как отличное вино.
Оно течет прямо к другу моему,
услаждает уста утомленных¹⁹.

Однако в Новом Завете пол утрачивает свою чувственность и предполагает самоотречение. Павел советует: «...хорошо человеку не касаться женщины»²⁰, но допускает, что брак – это крайнее средство для тех, кто не может сохранить безбрачие. Поскольку сдерживаемые желания могут привести к блуду или прелюбодеянию, то «...каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа»²¹. Секс допускается ради разрядки и, разумеется, продолжения рода. Развод запрещен. «Безбрачным и вдовам, – предостерегает Павел, – я говорю, что хорошо им, если останутся, как и я [безбрачными]. Но если не *могут* воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться»²². То есть лучше вступить в брак, чем гореть желанием, которое он описывает как личный ад, в котором грехи гуляют по нервам человека как по канатам. В этом смешении традиций призыв Платона к сублимации своих желаний явно смыкается с таким же призывом христианства, и временами кажется, что безбрачием наслаждаются как своего рода эротикой наоборот. Блаженный Августин свой обет воздержания описывает так: «Душа моя стяхнула груз всех забот и печалей: уже не нужно было просить и кланяться, гоняться за деньгами, валяться в грязи, чесать свою похоть»²³. Это довольно пылкое

¹⁸ 1 Кор. 13: 1, 2, 12.

¹⁹ Песн. 7: 8–10.

²⁰ 1 Кор. 7: 1.

²¹ 1 Кор. 7: 2.

²² 1 Кор. 7: 8, 9.

²³ Блаженный Августин. Исповедь. Кн. 9.

самопожертвование²⁴. А потом произошло нечто, что изменило существовавшее в западном мире представление о любви.

Трубадуры

Вернувшись из Крестовых походов, в которых победы чередовались с неудачами, Гильом IX, герцог Аквитании (1071–1126), начал сочинять песни о любви и страсти, известные нам теперь как первые любовные песни трубадуров. Может быть, его вдохновляли мавританские авторы, воспевавшие любовь как облагораживающую силу, а женщин – как сверхъестественных богинь. Аравия и Испания регулярно обменивались и людьми искусства, и послами, а затем их культура распространилась на Южную Францию. Известный андалусский поэт Ибн Хазм, который в 1022 году, в своем классическом «Ожерелье голубки», написал, что «союз душ в тысячу раз прекрасней союза тел». Его концепция была и глубоко платонической, и мусульманской – особенно когда он говорил о потребности стать единым с тем, кого любишь. Это естественная потребность, обычная, как песок, но мощная, как радий, потому что любовь – это воссоединение душ, которые до начала творения были созданы из одного и того же изначального вещества, но позже были разделены в физическом мире. «Душа любящего, – говорит Ибн Хазм, – вечно ищет другую, стремится к ней, разыскивает ее, жаждет найти ее снова, притягивая ее к себе так, как магнит притягивает железо».

Красота – это приманка. Душа прекрасна, и ее влечет к физической красоте. Но если единственная точка притяжения – секс, то душа не успевает прорасти в другой душе, ей не хватает для этого времени, она не успевает найти точки соприкосновения.

Вождление – низкое чувство, хотя наслаждение чувственностью другого восхитительно. Исходя из этого утверждения, Ибн Хазм изображает любящего рабом своей любимой, который должен обращаться к ней или как к «повелительнице» (*sayyidi*), или как к «госпоже» (*mawlaya*). Он предостерегает влюбленного: не стоит стремиться к близости с любимой, подробно описывает муки любовной болезни и даже предлагает такое руководство в помощь толкованию признаков любви на лице любимого:

Для всякой из этих разновидностей есть особое выражение взгляда, но установить и определить его можно, только увидев, и нельзя изобразить и описать эти взгляды, за исключением немногих. Я опишу небольшую часть этих разновидностей: знак краем глаза – печаль и огорчение; взгляд вниз – признак радости; поднятие зрачков к верхнему веку означает угрозу; поворот зрачков в какую-нибудь сторону и затем быстрое движение ими назад предупреждает о том, про кого упоминали; незаметный знак концом обоих глаз – просьба; быстрое движение зрачками из середины глаза в уголок свидетельствует об отказе; движение зрачками посредине глаз указывает на запрет вообще. Остальное же можно постигнуть, только увидев²⁵.

Герои Ибн Хазма, преображенные любовью, становятся сильными и смелыми, достойными и великодушными. Его соотечественники писали истории любви такой же направленности, обращая особое внимание на чувства и обращаясь преимущественно к образам природы. Как правило, чтение этих сочинений сопровождалось игрой на музыкальных инструментах. Высшее общество Франции богатело, становилось все более праздным, и его, подобно дивному аромату, манил чувственный мир Востока.

²⁴ Сравните эти слова с признанием арабской женщины в XX в., сказавшей, что благодаря парандже она испытывает чувство глубокого облегчения, потому что, надев паранджу, она перестала быть сексуально привлекательной для мужчин, то есть избавилась от угнетавшего и мучившего ее чувства, которое лишало ее самоуважения.

²⁵ Перевод с арабского М. А. Салье.

Во время Крестовых походов Гильом и его товарищи-рыцари открыли для себя мир женщин гарема – прекрасных, живших взаперти, не допускавшихся в общество. С ними было невозможно познакомиться; их целомудрие было подобно неприступному саду. Арабские мужчины смотрели в их застенчивые глаза и предавались необузданным фантазиям. Бесстрастные с виду, загадочные женщины – какой простор для мужского воображения! На Ближнем Востоке рыцари с удовольствием играли в экзотические игры, воспалявшие воображение и развивавшие ум, – в настольные игры, например шахматы; в военные игры с особым вооружением, а также в плотские игры – с новыми сексуальными приемами, возбуждавшими новые желания.

Гильом писал свои песни на уличном языке Прованса, и это придавало им непосредственность и определенный будничность реализм, который нравился его современникам при дворе. Дерзкий, грубый, отважный и отчасти плутоватый, он не раздумывая мог овладеть чужой женой, когда мужа не было рядом, или нарисовать на щите обнаженное тело своей любовницы. Недовольным и возмущенным Гильом дерзко отвечал, что дама частенько носила его на щите своих бедер. Однажды он принялся хвастаться тем, что сто восемьдесят восемь раз за неделю совокуплялся с женами двух хорошо известных аристократов. Верим мы или не верим в его сексуальную мощь, которая могла быть просто бравадой, но своим хвастовством он нарушал правила изысканной любви. Наверное, было заманчивым публично перечислять свои победы, потешив свой эгоизм, но законом куртуазной любви была скрытность – и не только потому, что она усиливала возбуждение, но и потому, что если жену заставляли за супружеской изменой, то расплата за это была известна: ад. В раннем Средневековье неверность была для женщины преступлением, за которое карали смертной казнью, а позже это означало, что ее сошлют в монастырь. Муж даже имел право убить и ее, и ее любовника. А если ставки были так высоки, то неудивительно, что женщины подвергали мужчин изнурительным испытаниям, чтобы убедиться в их искренности.

Большинство трубадуров были людьми незнатного происхождения, средневековым эквивалентом странствующих исполнителей народных песен – как собственного, так и чужого авторства. Если они были талантливыми и удачливыми и могли найти гостеприимного феодала или даму с деньгами, то регулярно выступали в замке. Этот маленький мир в часы праздности мог стать еще меньше. Тогда не существовало ни любовных романов, ни таблоидов со светскими сплетнями, ни фильмов ужасов. И искусный бард, знающий множество историй в духе мыльных опер и леденящих кровь приключений, становился желанным гостем. Благодаря трубадурам сердечные дела стали любимой темой поэтических саг, и так истории о любви впервые проникли в европейскую литературу. Пределы героического расширились, и идея «пары» – двух человек, живущих одной мыслью и устремлением, – начала дразнить общество.

Бунт сердца

Одно из значительных изменений Средних веков – постепенный переход от односторонней любви к взаимной. Представление о том, что любовь можно разделить, что два человека могут испытывать друг к другу страстное влечение и желание, сначала казалось передовым и опасным. Ведь Церковь учила, что любовь возможна только к Богу, и поэтому идея взаимной любви была попросту невозможной. В конце концов, человек должен был любить Бога без расчета, ничего не ожидая взамен. По церковному представлению, любовь была не согласием двух сердец, не парным танцем, не дорогой с двухсторонним движением, не обменом благами и услугами, но одиноким устремлением.

Полагаю, что трубадуры верили, что не высказывают крамольных мыслей, говоря, что огонь любви может гореть для двоих, а не только устремляться к небесам. Но когда они говорили, что любовь возможна между смертными на земле, их могли обвинить в поклонении ложным кумирам, или в потворстве этому.

Трубадуры воспевали влюбленных, союз двоих как нечто благородное и ценное. Они чтили тех, кто испытывал страстную любовь друг к другу. До трубадуров любовь между мужчиной и женщиной считалась греховной и низкой. Нередко она приводила к безумию, и всегда была унижительной. Изображать любовь как нечто величественное, как идеал, который надо искать, было поистине возмутительным. Соглашаться с тем, что плотское желание могло быть естественной частью любви, хотя все чувство было более духовным, ярким и глубоким, – шло вразрез с традиционным учением. В греческой трагедии любовь была страданием, ужасом, который ведет к жестокости и смерти. Для богословов человеческая любовь была жалким отражением той реальности, которую можно было обрести лишь в духовном экстазе. Утверждение, что женщины участвовали в любви на равных, и она их даже облагораживала, казалось чем-то диковинным, потому что это нарушало естественный уклад феодальной жизни, где мужчины служили своим сеньорам, а женщины были верны своим мужчинам. Если кто-то был предан своей любимой целиком, без остатка, то оставалось ли тут место для его феодального господина?

По мере того как куртуазная любовь зачаровывала общество, власть Церкви ослабевала. Ослабевала и власть знати. Новое представление о любви коренным образом изменило и отношение людей к самим себе, и их устремления. Но, пожалуй, самой революционной была идея личного выбора. В мире, управляемом законами иерархии, человек присягал на верность прежде всего Богу, а затем – хозяину поместья. Выбирать, кого любить, выражая предпочтение, было проявлением явного бунта – бунта против морали эпохи, отрицавшей индивидуализм. А предводители этого бунта представляли высшие слои общества.

Именно при дворе Алиеноры Аквитанской (внучки Гильома) и ее дочери Марии наступил истинный расцвет любовных турниров. Там трубадуры написали некоторые из своих самых прекрасных и изысканных песен, зачастую смешивая любовные истории с рассказами о приключениях – такими, как кельтский миф о короле Артуре и его рыцарях Круглого стола. Дамы, которых воспевали в песнях, носили такие имена, как Прекрасный Взор, Чистая Радость и Чудесная Надежда. И трубадуры бросали им букеты хвалы и обожания. Они создали художественную форму из музыки, поэзии и чистого желания. Ее называли «куртуазной любовью»²⁶, и это выражение было намеренно двусмысленным. Куртуазия как ритуал ухаживания (*courtship*) существовала при дворе (*court*), но она во многом была еще и игрой, разыгрываемой при дворе. И если спортивные состязания происходили в пределах арены, то куртуазная любовь разыгрывалась в маленьком мире замка. Ее строгие правила были известны всем; часто ее репетировали на публике, на виду у многих. Одна игра, ставшая популярной, называлась «Двор любви» и была похожа как на спор, так и на судебную тяжбу. В центральный зал замка мог прийти любой, и для рассмотрения предлагались определенные любовные проблемы. Каждый игрок выбирал свою точку зрения и должен был ее защищать. Вопрос мог звучать так: «Кого легче соблазнить: жену импотента или жену ревнивца?» Или: «Что вы предпочитаете: теплую одежду зимой или утонченную возлюбленную летом?» Или: «Если ваша дама отдается вам при условии, что она проведет ночь с беззубым стариком, то что вы предпочтете – чтобы она выполнила это условие до или после?» Разумеется, никто не ожидал решения этих проблем: речь шла лишь об остроумном подшучивании и возможности насладиться любовной беседой на публике. Во время одной из таких игр королеву Алиенору спросили, какого бы она предпочла любовника – молодого, но порочного мужчину или старого, но очень добродетельного? Она выбрала старого, потому что в куртуазной любви добродетель была первостепенной. В придворном мире, находившемся в постоянном движении, игроки знали друг друга, пусть даже

²⁶ Поскольку слово «любовь» мы используем в столь многочисленных значениях, то выражение «куртуазная любовь» представляется нам полезным. Однако оно возникло в конце XIX в., когда французский исследователь средневековой литературы Гастон Парис обратился к теме куртуазной любви (*amour courtois*) во Франции XII в.

мельком или понаслышке. Однако за пределами этого магического круга куртуазная любовь была более целомудренной.

Замки были островками цивилизации и культуры, где странствующий рыцарь мог отдохнуть и восстановить силы, – примерно так же, как моряк мог посетить шумный порт, проведя некоторое время в плавании. Наверное, это выглядело как ослепительный мираж: госпожа и ее дамы, дети и другие родственники, все слуги и служанки... Обнаружив такой островок, рыцарь выбирал прекрасную, далекую, замужнюю «даму», которую он возвышенно идеализировал. Вначале он мог прятаться в кустах и боготворить свою даму издали, возбуждаясь от ее невидимой близости. Кольхание ее юбки приводило его в упоение. Если взору открывалось ее запястье, по его шее пробегали мурашки. Со временем он представлял перед ней как смиренный слуга, принося в залог свое сердце и свою душу, свою верность и свою отвагу. Именно тогда в западном мире стали входить в моду подушки. Поклоннику, падающему на колени перед дамой, выходящей из кареты, необходимо было что-то мягкое. А дама, ожидающая, что кавалер появится, всегда держала подушку наготове. Очаровательное кокетство заключалось в том, как она дистанцировала эту подушку. Каким бы испытаниям дама ни подвергала своего рыцаря, он клялся их преодолеть. Из любви к ней он мог отправиться в придуманное ею паломничество. В феодальном мире, где рабы склонялись перед господином, он был ее рабом, а она – его госпожой. С каждым испытанием она относилась к нему все ласковей, и здесь было несколько этапов. Сначала она снисходила до того, чтобы назвать его по имени. Потом ему позволялось почтительно и недолго около нее посидеть, а потом, может быть, прогуляться вдвоем по саду. И наконец, она могла ему позволить себя поцеловать, а потом – увидеть ее обнаженное тело, но не касаться его. Со временем она даже могла ему разрешить за ней ухаживать. Однако сексуальные отношения не были частью игры. Они могли испортить роман и положить конец его развитию. Отважный рыцарь доказывал свою значимость, убивая могучих драконов своей независимости, сексуального желания и гордости. Стремясь к самообладанию, он был обязан любить, не обладая любимой. Это было важно в практическом смысле, потому что она принадлежала своему мужу, а также потому, что вся суть приключения состояла в попытке рыцаря совершенствовать себя благодаря любимой. Таким образом, сущностью куртуазной любви было затяжное возбуждение, безумие великолепно невыносимого желания. Только будучи безумно влюбленным, угнетенным сублимированной любовной страстью, человек мог бесконечно погружаться в свои чувства, никогда не насыщая их до конца, стремиться к все более возвышенному, рисковать больше, достигать более благородных целей. Эта игра постоянного возбуждения требовала дисциплины чувств, чувственной сдержанности, основанной на терпении и умении, и исключала всякого, кто просто хотел быстрого секса.

С одной стороны, дама любила рыцаря только в том случае, если он заслужил ее любовь. Подобное представление – что женщина подвергает мужчину испытаниям прежде, чем согласится принять его любовь, – отнюдь не сверхцивилизованная человеческая идея; это ритуал, который разыгрывается во всем животном мире, от насекомых и птиц-шалашников до лосей. С другой стороны, рыцарь любил свою даму за ее врожденную красоту. Но это была не платоническая любовь к красоте, известная древним. Мысль о том, что красоту любимой надо сначала боготворить лишь для того, чтобы на этом научиться боготворить красоту других, для влюбленного рыцаря была бы проклятием. Ничто не могло оторвать его от небесной механики его обожания, и он вращался вокруг своей любимой как зачарованная луна, сдерживаемая силой притяжения. Рыцари были воинами. А если так, то сколь волнующим это было для дамы – вынуждать их быть любезными и утонченными ради нее, зная, какую агрессию она обуздала. «Служение» – это все. Римляне и греки презирали людей, служивших кому-то, особенно женщинам. Но теперь, как мы видим, служение поднималось до уровня искусства, и рыцари стремились к тому, чтобы их унижали ради любви. Если ему так приказывали, рыцарь даже хотел

намеренно проиграть поединок, никому не говоря, что он нарочно проиграл бой, убежав, как дурак:

Служение куртуазной любви по самой своей природе означало подавление мужской гордости. В этом добровольном подчинении друга его любимой скрывалась важнейшая истина: поскольку до сих пор глубоко укорененное, застарелое женоненавистничество сдерживало устремление к взаимной любви, было важно, чтобы теперь отправным пунктом такой любви стало символическое унижение мужской силы.

Трубадуры завораживали именно первые этапы любви, и они вели летопись возникавших тогда трепетных чувств. Завораживали волнующие моменты в начале романа, когда оба влюбленных цепенели при виде друг друга: они были поглощены друг другом, но трепетали при мысли о неопределенности их будущих отношений. Половая связь положила бы конец этому роману, а супружеская любовь их вообще не интересовала. Это было слишком скучно. Они предпочитали не спать по ночам, пожирать друг друга взглядами, обмениваться тайными знаками, талисманами и подарками. Они предпочитали туман фантазий, предпочитали плакать в подушку и бояться, что об их любви узнают. Предпочитали терзаться разлукой и испытывать невероятное блаженство, за которым следовали долгие часы отчаяния.

Какой же контраст между ценностями куртуазной любви и миром, в котором она возникла! Жизнь в средневековой Франции была грубой, полной агрессии, нестабильной, плебейской, исполненной самонадеянной и показной воинственности. Влюбленные же, наоборот, хотели быть смиренными, верными, изысканными, любезными и скромными. Они начали говорить об «истинной любви» не как о безумии, а как о чем-то чудесном и благом. Церковь управлялась железной волей, а куртуазная любовь была откровенно нерелигиозной инициативой, почти марксистским мятежом против Церкви. Мирясь с супружескими изменами и даже заявляя, что они могли принести пользу (мужчина становился благородней, смиренней, изысканней), они возвышали адюльтер над браком. Столь же кощунственным было прославлять страсть и считать любовь чем-то естественным. Но поскольку Франция была средоточием художественной, интеллектуальной и политической жизни, это радикально новое представление о взаимной любви стало модным и распространилось по всей Европе. Из Португалии оно переместилось южнее, в Италию (где Данте адаптировал и облагородил его так, чтобы оно не противоречило его христианской вере), а затем севернее, где Кретьен де Труа и другие писали повести в необычно новом духе, имевшие отношение к мыслям и чувствам людей.

Истоки куртуазной любви

Почему этого рода любовь получила распространение именно тогда, в тот исторический момент? На этот счет существует много теорий. Некоторые считают, что куртуазная любовь просто отражала экономические отношения того времени: рыцари служили своей даме так же, как вассалы своему господину или верующие – своему Богу. Новое обычно прокладывает себе путь, маскируясь под старое, как напоминает нам Клайв Стейплз Льюис. Также он пишет:

Феодальные отношения между людьми были таковы, что они создавали основу для романтической любви между мужчинами и женщинами... Эти мужские привязанности, даже и вполне свободные от того налета, который сопровождал «дружбу» в Древнем мире (а эти отношения были, по сути, подобны любовным), – обладали большой силой и умышленно отвергали другие ценности. К тому же они сохранялись в тайне – и все это благоприятствовало развитию духа, не вполне отличавшегося от того, который в более поздние эпохи люди будут находить в «любви».

Но одно несомненно: во время Крестовых походов рыцари перестали относиться к общественным установлениям с былой строгостью и приобщились к культурам, которым свойственно большее уважение к женщине. Расширив горизонты, они стали восприимчивей к общественным переменам, которые уже происходили во Франции, пока рыцарей там не было. В Византии они открыли для себя культ почитания Девы Марии, представлявший собой полную противоположность давнишнему учению Церкви, согласно которому испорченность Евы обрекла на гибель всех нас. Может, и не связанное с эдиповым комплексом мирское представление о «благородной даме» и сакральное представление о Деве Марии в конце концов стали равнозначными настолько, что в определенное время почитание Марии или любовь к ней превзошли любовь к Иисусу или его почитание. Церкви стали называть в честь «нашей Владычицы» (как, например, собор Парижской Богоматери, Нотр-Дам де Пари). Рыцари служили не женщинам, они служили «дамам» – женственности в ее утонченном выражении.

При этом произошло одно важнейшее изменение: появилось представление о том, что женщины могут быть объектами любви. Однако с этим было согласно далеко не все общество. Средневековые мыслители обычно изображали женщин низшими существами, не способными к обучению. Женщины все еще оставались необработанной землей, какими они были и для греков и римлян. Объясняя это положение вещей, Фома Аквинский говорил, что по своей природе

женщина – существо неполноценное и презренное. Ведь активная сила в мужском семени устремлена на создание совершенного образа в лице мужчины, тогда как женская способность к деторождению имеет своей основой недостаток активной силы или некоторые внешние воздействия – как, например, воздействие южного ветра, который, как отмечает философ, несет с собой сырость. С другой стороны, с точки зрения природы в целом, женщина не является неполноценной, но соответствует замыслу природы, поскольку предназначена для деторождения.

Женщины находились в подчинении три тысячи лет и, естественно, не притязали на то, чтобы подняться выше доблестных рыцарей. Они пользовались повышением своего статуса, а рыцари радовались тому, что куртуазная любовь приносила им очищение и наделяла благородством. В грубом, жестоком обществе, в котором было трудно продвигаться, рыцарям нравилось быть частью нравственной аристократии, элитой, в которую могли войти люди любого звания.

Отчасти семена куртуазной любви были занесены из арабских стран, стиль и настрой поэзии которых доставляли удовольствие трубадурам в Южной Франции. Однако существовало одно важное обстоятельство, отличающее французских женщин от идеализированных и желанных женщин гарема: француженки были доступны. Их можно было встретить на рыночных площадях, в замках, на турнирах или при дворе. Это лишало их завоевание определенных трудностей, а их самих во многом лишало таинственности. Любовь мусульманского мира переносилась в более свободный европейский мир, и это требовало заменить прежние препятствия другими. Согласно Тэннэхиллу, «добродетель была качеством, которое, возвышая женщину до некоего непорочного уровня, очищала любовь от всякой примеси чувственности, предоставляя ей свободу воспарить в царство духа. Добродетель стала европейским гаремом». Отметим, что столь привлекательной оказалась *добродетельность* женщины, а не ее личность. Ее реальный образ практичной, земной, полнокровной женщины со своими талантами и заботами, своими радостями и умом не пользовался спросом. Рыцарь стремился к иному: завоевать добродетель доблестью. Его дама – лишь образ в памяти, чтобы на поле боя, теряя силы, рыцарь мог вспомнить, что такое добродетель, шептать ее имя в такт биению сердца, воссоздать ее облик в своем сознании. Дама помогала его духовному пробуждению, и наградой ей был идеализированный

образ ее самой. Позже в Средние века связь между рыцарем и дамой стала более отвлеченной, и, хотя рыцари могли отправляться в бой с талисманами от своих дам, они точно так же могли сражаться за цвета знамени своей страны.

Однако, когда куртуазная любовь только возникала, перед рыцарями открывались широкие возможности для изобретательных супружеских измен, хотя супружеская неверность не обязательно была частью игры. Некоторые мужчины пытались строить куртуазные отношения со своими женами, упражняясь в безмерных восхищении и обожании. Однако такие случаи были редкими исключениями. Ни дохристианские, ни христианские авторы не обсуждали ни любовь в браке, ни чувственную любовь между мужчиной и женщиной. Такие представления считались абсурдными, анархическими и аморальными. У средневековых браков было мало общего с любовью или взаимным влечением. Брак считался деловым договором. Женщины обменивались, словно карты в колоде тщательно выверенных линий родства. В особенности это относилось к королевским бракам, благодаря которым заключались политические союзы, объединялись большие состояния, укреплялись положение и власть. Женщина могла отказаться выходить замуж за того, кто ей не нравился, или тайно устроить так называемое похищение своим кавалером, но, как правило, она соглашалась, не имея реального выбора.

Значительную часть времени многие мужчины воевали, следовательно, отсутствовали дома, поэтому тон придворной жизни задавали женщины. Немало влиятельных замужних дам мечтали заводить романы и жаждали любви: их расположение можно было завоевать флиртом и лестью. Тем временем их мужья находились совсем в другом положении: они могли вступать в отношения с женщинами везде, где им того хотелось. Если муж изменял жене, то это не имело значения. Однако если изменяла жена, то муж мог прекратить содержать ребенка, который зачат не от него. Поэтому, естественно, и мужья не одобряли чувственную любовь, и трубадуры были невысокого мнения о мужьях. В их песнях часто упоминались мужья, появляющиеся в неподходящий момент, чтобы испортить удовольствие влюбленным, и они явно придерживались двойного стандарта: ревность изображалась как благородное чувство, если ее испытывали любовники, но как презренное, если ее испытывали мужья.

Надо помнить, что дама рыцаря была совершенной незнакомкой – хорошеньким личиком, которое он мельком увидел в своих путешествиях. Церковь не позволяла заключать браки даже между дальними родственниками, так что рыцарям приходилось покидать свои дома и искать себе пару. Но при этом можно было сделаться свободным, никому не подчиняющимся рыцарем (или ландскнехтом) – не имевшим земли и не служившим феодальному сеньору. Такие рыцари зарабатывали себе славную репутацию мужественными поступками и высоко ее ценили, бравируя ею в этом маленьком провинциальном театре самоуважения. Они стремились ухаживать за женами других мужчин с тем удовольствием и той нежностью, которые резко контрастировали с тусклостью брака без любви. Опасность возбуждала.

Страстное обожание становилось возможным потому, что влюбленные были абстрактными объектами желания; их любовь была запретной, табу и новшеством. Представление о близости влюбленных, возникшее совсем недавно, вовсе не было частью средневекового мироощущения, но постепенно возникало из-за того, что обстоятельства вынуждали влюбленных вести себя скрытно. Утопая во взглядах друг друга, говоря жестами, обмениваясь намеками и знаками, они учились быть тайным обществом со своими парочками и обрядами и святым братством, носителями религии двоих.

Существует столько романов, поэм, опер и песен о любви, что мы считаем это чем-то само собой разумеющимся. А о чем бы еще могли писать люди? Однако эта мода началась во Франции XI века. Когда-нибудь эта мода, как и все остальные, может смениться массовой одержимостью чем-то другим. Но пока мы все еще пользуемся чем-то вроде средневековых кодексов рыцарства и этикета: мужчины открывают женщинам двери, помогают им надевать пальто и так далее. И это сопряжено с нашим пониманием любви как благородной страсти и

с нашим вкусом к любовным романам. Совсем ничего не изменилось. Клайв Стейплз Льюис говорил об этом так:

В XI веке французские поэты открыли, или изобрели, или первыми выразили ту романтическую разновидность страсти, о которой английские поэты все еще писали в XIX веке. Они произвели такую перемену, в результате которой радикально изменилась и наша этика, и наше воображение, и наша повседневная жизнь; они возвели непреодолимые преграды между нами и классическим прошлым или современным Востоком. В сравнении с этой революцией Возрождение – просто пустяк...

В конце XX века, во времена, сотрясаемые войнами и мятежами, а также ожесточенной битвой держав за мировое господство, в годы, когда каждая улица и каждый дом в городах и пригородах полнятся тревогой, мы мечтательно вспоминаем о куртуазной любви... Швейцарский мыслитель XX века Дени де Ружмон возражал против нее и безусловно осуждал – как бедствие, как источник беспокойства и как серьезную ошибку. Он с презрением относился к чувству, что возобладало над разумом. Благоразумные люди стремились к здравомыслию, а романтическая любовь неотвратимо выводила чувства из-под контроля. Он задавался вопросом: «Почему западный человек не прочь мучиться от той страсти, которая терзает его и которую отвергает все его здравомыслие?» Он ощущал, что это делало человеческие отношения чересчур напряженными и тревожными. Ему не нравилось, что люди явно стремились к страданиям и упивались ими; не нравилось, что из-за страданий человек лишал себя возможности заключить счастливый брак, который, разумеется, не мог сравниться с воспоминаниями о бурной любви. Более того: она потворствовала тайному, опасному и невысказанному инстинкту – желанию смерти. Люди тайно чувствуют это влечение, но не могут рисковать, признавая это. В жизни так много всего хаотичного, всего непредсказуемого, жизнь так похожа на битву, в которой нужно постоянно выстаивать! Каждую секунду своей жизни борясь с превратностями, которые в конце возьмут над тобой верх, трудясь на пределе своих сил, человек втайне жаждал уничтожения. Никто этого не говорил, но упорные страдания и мучения, желание умереть или ослепнуть из-за одного взгляда любимого или любимой – все это было слишком близко тому, чтобы поддаться притягательности самой смерти.

Возможно, де Ружмон был прав. Но тем не менее куртуазная любовь помогала повысить статус женщин и многих рыцарей, предоставляла людям право в какой-то мере определять свою судьбу, поддерживала взаимную симпатию и побуждала влюбленных испытывать друг к другу нежность и уважение. Как добрые и сердечные друзья, проникшись друг к другу симпатией и почтительностью, влюбленные пытались улучшить свои характеры и таланты и тем самым стать достойными любви. И неудивительно, что такая любовь имела столь мощную притягательную силу.

Абеляр и Элоиза

Другие драмы средневековой любви возникали в среде духовенства, мучимого конфликтом между долгом служения Церкви и сердечными склонностями. Исход, как правило, был трагическим, как, например, об этом свидетельствовал головокружительный, набравший обороты любовный роман между Абеляром и Элоизой. Из всех средневековых историй любви их сага о страсти, надежде, отчаянии и страдании кажется особенно трагичной, находя отклик у людей каждого поколения.

Мифические влюбленные случайно выпили любовный напиток. Тем самым они потеряли власть над своим биологическим естеством и не отвечали за свою судьбу, которая приобрела необычайную насыщенность, и не могли сделать ничего, чтобы остановить ее стремительное течение. Человеческий ум изобилует многочисленными странными убеждениями и веровани-

ями, однако самое странное (и при этом широко распространенное): случается то, чему «суждено случиться», и мы – пленники судьбы. Это ощущение настолько сильно, что на его основе возник целый миф, оно создало свою науку и религию. В какой-то мере экзистенциализм представлял собой бунт против такого убеждения как смирительной рубашки ума. Совершенно по-экзистенциалистски Абельяр и Элоиза свободно выбрали свою судьбу, и именно это сделало их драму вдвойне трагичной; их наилучшие намерения и нежно любящие сердца обрекли их на гибель.

Пьер Абельяр родился в Бретани в 1079 году и был первым ребенком феодала Беренгара Ле Пале, небогатого аристократа. Воспитанный и на дохристианских, и на христианских авторах, он получил первоклассное образование и особенно любил Овидия, которого часто цитировал. Перед юношей-интеллектуалом с его страстью к учебе была открыта только одна дорога – церковное служение, так что он поступил в местную соборную школу, а потом, в возрасте двадцати лет, переехал в Париж. Там, как один из пяти тысяч говорящих на латыни студентов со всей Европы, он учился тонкому искусству риторики и дискуссий. Известность Абельяра быстро росла: в двадцать два года он открыл собственную школу, привлекавшую богатых студентов. Его карьера быстро шла в гору, от успеха к успеху, его осыпали почестями и, похоже, не было такой цели, которой он бы не мог достичь. Со временем он принял управление монастырской школой при церкви Богоматери («эта кафедра давно была предназначена мне»), и студенты ринулись посещать его лекции, самые популярные в Европе. Блистательный, эрудированный, красноречивый, обаятельный, Абельяр был человеком самовлюбленным, называя себя «единственным на Земле выдающимся философом». В сорок лет Абельяр встретил Элоизу, семнадцатилетнюю племянницу соседа.

Согласно всем свидетельствам, она была миловидной девушкой («высокой и хорошо сложенной... с высоким, покатым лбом и очень белыми зубами») выдающегося ума, отлично образованной и трепетной. Абельяр воспылал к ней страстью и, переговорив с ее дядей Фульбером, попросил у него разрешения снять комнату в их доме, добавив, что он будет бесплатно обучать Элоизу. Это было щедрое предложение, поскольку женщинам не разрешалось посещать его лекции. Элоиза была потрясена его взглядами, известностью и эрудицией. Он был замечательным, великолепным, блистательным преподавателем. «Какая женщина, какая юная девушка не сгорала по тебе в твое отсутствие или не пылала в твоем присутствии?» – напишет она позже. Абельяр же, со своей стороны, был гордым, похотливым и скрытным. В Элоизе он увидел свою жертву, которая была чувственной, молодой, доступной. Абельяр знал, что сможет манипулировать ее чувствами. Как он непринужденно признавался:

Я был тогда настолько знаменит и обладал таким обаянием молодости и привлекательности, что не опасался отказа ни от одной из женщин, которых я нашел бы достойными моей любви. Кроме того, я думал, что эта девушка уступит тем более охотно, что она была образованной и любила учиться. Ведь даже находясь в разлуке, мы могли поддерживать связь перепиской и писать друг другу вещи настолько смелые, что их стыдно произнести, и так наши восхитительные отношения никогда не прерывались.

Он и сам говорил, что Фульбер доверил «нежную овечку голодному волку». Между Абельяром и Элоизой вспыхнул долгий бурный роман, и они зачастую занимались любовью всю ночь напролет, среди разбросанных вокруг книг. То, что начиналось как приключение, вылилось в любовь. Он писал ей любовные песни, она писала ему любовные письма; они были совершенно поглощены друг другом. Однако из-за своей страсти они потеряли бдительность. Однажды дядя застал их на месте преступления и был оскорблен видом обесчещенной молодой племянницы. Он велел Абельяру собирать вещи. Вскоре Элоиза обнаружила, что беременна, и вместе с Абельяром бежала в дом его сестры в Бретани, где родила сына, которого они назвали

Астролябием. Ссылаясь на то, что они с Элоизой очень друг друга любят, Абельяр стал умолять ее дядю их простить. Он даже согласился жениться на Элоизе при условии, что их брак сохранят в тайне, поскольку он поставил бы под удар его планы сделать церковную карьеру. Это казалось довольно честным, и Фульбер согласился. А Элоиза – нет. Она знала, чего этот брак будет стоить Абельяру: это вызовет такой скандал, что разрушит его карьеру. Она самоотверженно убеждала его оставаться холостяком. Оставив ребенка в Бретани, пара тем не менее уехала в Париж и тайно обвенчалась. Однако в глазах общества они оставались неженатыми распутниками. Ее дядя стал распускать слухи о том, что они действительно обвенчались, но Элоиза это решительно отрицала. На них начались страшные нападки. Чтобы спасти от них Элоизу, Абельяр увез ее в Аржантельский монастырь, где она воспитывалась в детстве. Там она облачилась в одежду послушницы, и они предавались кощунственной любви – в трапезной, а иногда даже и в самой церкви. Дядя Элоизы пришел в ярость, обнаружив, что она сбежала; он думал, что Абельяр собирался ее прятать, как какую-нибудь обычную содержанку. Разумеется, Фульбера меньше волновало счастье Элоизы, чем его собственная репутация. Соблазненная дочь (в данном случае – подопечная) пятнала имя семьи: это было разновидностью публичной супружеской измены, и Фульбер, если бы он не прореагировал, потерял бы лицо. Так или иначе, но он и его друзья замыслили чудовищную месть. Вот как это описывает Абельяр:

Однажды ночью, когда я спал в моих покоях, один из моих слуг, соблазнившись золотом, выпустил их ко мне. И они отомстили мне таким способом, который вызовет всеобщее изумление: они отрезали те части моего тела, которыми я совершал преступление, ими осуждаемое. А потом они убежали.

Слухи распространились быстро, и вскоре о кастрации Абельяра узнали все. Он говорил, что гораздо больше страдал от унижения, чем от боли. И действительно: унижение его измучило. С каким ужасом он вспоминал о том, что евнух описывается в Библии как «мерзость перед Господом» и что скопцам запрещено входить в храм, как зловонным и нечистым чудовищам. Без тестикул он уже не был человеком, уже не был мужчиной, уже не был святым. Опозоренный, он удалился в монастырь Сен-Дени и велел девятнадцатилетней Элоизе постричься в монахини и провести остаток жизни в безбрачии. К их любви она относилась так: или все, или ничего. Элоиза полностью отдалась своей страсти, своему долгу и любви. Она последовала бы за ним «и в сам ад», как она говорила. И надо помнить, что в ее время люди воспринимали ад буквально, как настоящее место пыток и вечных мук. Абельяр ждал, когда Элоиза принесет свои монашеские обеты (чтобы убедиться в том, что она это сделала), а потом постригся в монашество и сам. Десять лет они, не общаясь друг с другом, прожили в разлуке как монах и монахиня, даже не обмениваясь письмами. В абстрактном смысле это было еще одной разновидностью кастрации. Со временем Абельяр снова обрел душевное равновесие и вернулся на проповедническую кафедру. Он снова стал знаменитым проповедником, выражая смелые (а по мнению некоторых, и еретические) представления о церковном учении. Инакомыслящих не терпели, и вскоре Абельяра сослали в удаленный монастырь, от греха подальше. Будучи аббатом монастыря Сен-Жильдас-де-Рюж в Бретани, он имел возможность помочь Элоизе, когда ее монастырю (где она к тому времени стала настоятельницей) грозило закрытие. Так, через десять лет разлуки, Абельяр и Элоиза встретились снова. Теперь Абельяр думал о ней скорее как о «сестре во Христе, чем о жене». Он начал писать автобиографию, свою «историю бедствий», содержащую откровенный, а иногда и самоуничижительный рассказ о его жизни и его браке. Копия этой автобиографии дошла до Элоизы и побудила ее написать любовное письмо Абельяру. Сторая от страсти, исполненная смятения и страдания, она начинает его так: «Моему господину, нет, моему отцу; моему супругу, нет, моему брату; от его рабыни, нет, от его дочери; от его жены, нет, от его сестры; Абельяру – от Элоизы». Очевидно, он занимал в ее сердце так

много места и присутствовал в нем в таком множестве ипостасей, что она не могла свести их только к одной. Абельяр поклонялся Богу, но Элоиза поклонялась Абельяру:

Ты знаешь, любимый мой, и все знают, как, потеряв тебя, я потеряла все... Только ты, один ты, можешь ввергнуть меня в печаль или принести счастье и утешение... Я покорно выполняла все твои приказания. Не имея сил возразить тебе хоть в чем-нибудь, я имела смелость, по одному твоему слову, себя погубить. Более того, странно сказать: моя любовь превратилась в такое безумие, что она принесла себя в жертву без надежды вернуть то, чего я пламенно желала больше всего. Когда ты так велел, я изменилась, сменив не только мою одежду, но и изменив мой ум, чтобы доказать тебе, что ты – господин и моей души, и моего тела.

Письма, которыми обменивались влюбленные, были такими страстными и нежными, такими мучительными и откровенными, что ими растроганно зачитывались поколения читателей. Для Элоизы любовь – это достаточное утешение: она приносит мир, счастье и свободу. Для Абельяра любовь – это помеха на пути к истине и спасению. Любовь для нее – это философия; ему она мешает. Даже став настоятельницей монастыря, Элоиза держала его портрет в своей келье и часто с ним разговаривала. Единственным другим изображением могло быть лишь изображение Христа.

И Абельяр, и Элоиза чувствовали, что любовь лучше всего выразить через самопожертвование. В суровой экономике сердечных отношений больше всего ценится то, за что платят наивысшую цену. Однако для Абельяра Бог был превыше всего. Элоиза поразила его признанием, что для нее любить его важнее, чем любить Бога. Из ее писем явствует, что любовь наполнила ее очистительным огнем и заставила ее ощущать себя священной, святой, крещеной земной языческой верой. Приняв монашество, Элоиза воспринимала свой постриг как акт рабского подчинения своему любимому; она была мученицей любви. Любовь – это тот истинный орден, обеты которому она принесла. Люди восхваляли ее добродетельность и безбрачие, говорила Элоиза Абельяру, но только она одна знала, какими развратными были ее мысли и ее руки. Придя в ужас от ее признания и обнаружив, что, по сути, она так и осталась отчаянно влюбленной девушкой, Абельяр ответил ей упреками. Он объяснил, что его кастрация на самом деле была «делом божественного милосердия», потому что приблизила его к Богу, и что он рад избавлению от плотского желания, которое было всего лишь помехой, ярмом и поводом к греху. И она перестала ему писать.

Судя по всему, Абельяр направил энергию своей чувственности на реформирование Церкви; его обвинили в ереси и отлучили от Церкви. Отправившись в Рим, чтобы попросить папу Иннокентия II о снисходительности, Абельяр по пути остановился в Клуни, потому что его здоровье пошатнулось. Там он и умер в 1142 году, в возрасте шестидесяти трех лет. Элоизе сразу же сообщили о его смерти, и она стала просить об индульгенции с отпущением грехов для Абельяра и в конце концов ее получила. Когда двадцать лет спустя – и тоже в возрасте шестидесяти трех лет – Элоиза умерла, ее тело, как она и просила, положили в его могилу. Тогдашняя легенда гласила, что, когда ее тело опускали туда, руки Абельяра раскрылись, чтобы ее обнять. Теперь оба тела покоятся на кладбище Пер-Лашез в Париже, среди останков других влюбленных. Оба глубоко верили в любовь, в куртуазную любовь – сохраняемую в тайне, вне брака, сопряженную с превратностями и испытаниями, – любовь, подобную тайному обществу. Именно поэтому Элоиза предпочла считаться скорее любовницей Абельяра, чем его женой. В Средние века быть любовницей считалось гораздо благородней.

Вот одно из ее откровенных, прочувствованных писем:

...Обрати внимание, умоляю тебя, до какого жалкого состояния ты меня довел: я в печали, в унынии, без всякого утешения, если только оно не будет

исходить от тебя... Я храню твой портрет в моей келье. Когда бы я мимо него ни проходила, я всегда останавливаюсь, чтобы на него посмотреть; даже когда ты и был со мной, я не осмеливалась бросить взгляд на него. Но если и портрет, являющийся всего лишь немым изображением человека, может принести такое удовольствие, то какое удовольствие не принесут письма? У них есть душа, они могут говорить. Они содержат в себе всю ту силу, которую выражает сердечный порыв; в них заключен весь жар наших страстей; они могут воскрешать их так, как если бы их выражали сами люди; они обладают всей мягкостью и нежностью речи, а иногда – и такой смелостью выражения, которая ее превосходит... Но я уже не стыжусь того, что моя любовь к тебе не имела пределов, потому что я сделала даже больше. Я возненавидела себя, хотя я могла бы любить тебя; я приблизила собственную погибель в вечном заточении, хотя я могла бы сделать так, чтобы тебе жилось спокойно и легко... Думай обо мне, не забывай обо мне, помни о моей любви, о моей верности, о моем постоянстве, люби меня как свою любовницу, лелей меня как свое дитя, как свою сестру, как свою жену. Помни, что я еще люблю тебя и все еще стараюсь подавить в себе любовь к тебе. Какое слово, какая это судьба! Я содрогаюсь от ужаса, и мое сердце восстает против того, что я говорю. Я закапаю все мое письмо слезами. Я завершаю мое длинное письмо, желая, если этого хочешь ты (и хотят небеса), проститься с тобой навсегда.

Новое время

Ангел и ведьма

В Средние века люди были связаны с обществом гораздо теснее, чем сегодня. Вассальная зависимость означала, что человек был опутан многочисленными узлами послушания, и в совокупности они держали его под надежным контролем. И это было вдвойне справедливо для женщины, которая к тому же была связана отношениями с мужчинами ее рода и определялась этими отношениями – как дочь своего отца, как жена своего мужа, как мать своего сына. Большую часть жизни человек проводил на виду у других, и мало кто осмеливался выйти за рамки своей маленькой общины, где каждого знали и о каждом сплетничали. Система моральных ценностей была единой, и люди почти не сомневались, какое именно поведение считать возмутительным. Некоторые смельчаки ездили из города в город, но для большинства людей мир не выходил за пределы их земель или предместья их городка. Приезжих издалека почти не было, и покидать свой дом представлялось столь же ненужным, сколь и опасным: наверняка за холмами бродили чудища. Рыцари, возвращаясь из Крестовых походов, рассказывали о больших городах, о ярких шелках, а также о диких, ужасающе странных и кощунственных обычаях.

К концу Средневековья селения неимоверно разрослись, появлялось больше крупных городов, и жизнь людей протекала уже не полностью на виду, как раньше. Аристократы, хотевшие воевать или вести дела, нуждались в поддержке растущего класса торговцев, ремесленников и банкиров. Социализация упрощала ведение дел, и поэтому высший и средний классы общались между собой все чаще и иногда, чтобы породниться, заключали перекрестные браки. Так что застой в жизни общества, в котором человек всю жизнь принадлежал к одному классу, сменялся отношениями, в которых ловкие люди могли маневрировать с выгодой для себя. Если человек правильно одевался и знал, как говорить, то он мог маневрировать, вращаясь в разных слоях общества. Мужчина всегда мог защитить собственную репутацию дуэлями или смелыми поступками; также это было способом сохранить положение в обществе. Честь человека ценилась превыше всего, сохранить ее – означало достичь венца положения в обществе, что иногда предполагало придумать себе биографию и подходящее прошлое. Видимость – это все.

Несмотря на социальную неоднозначность того противоречивого времени, художники и ученые снова заинтересовались Античностью, особенно Платоном, в трудах которого они обнаружили ясные, вечные истины. Фокус интереса сместился от Церкви к людям, которых изображали создателями жизни, творцами всего хорошего и благородного. Это представление мы разделяем и сегодня и, даже если не думаем, что по земле ходят ангелы, все-таки верим в повседневные проявления святости и героизма. Произведения искусства строились на симметрии и классических формах, способствуя появлению такого любопытного визуального приема, как перспектива, при котором плоские, двухмерные предметы создают иллюзию трехмерного пространства. Часто утверждали, что перспективу изобрели в эпоху Возрождения, но это не так. Перспективой пользовались задолго до этого (я видела ее прекрасное воплощение на созданных семнадцать тысяч лет назад наскальных изображениях животных в пещере Ласко), но ею были одержимы люди эпохи Возрождения, которые довели ее хитрые приемы до совершенства. Всякое искусство – это обман: оно манит человека вообразить себе целый мир, показав ему одно зернышко²⁷. Общество изменялось очень быстро – и именно поэтому, возможно, люди захотели увидеть объекты, составляющие этот мир, не изолированно, а во всех взаимо-

²⁷ Однажды настоятельницу монастыря спросили, что у нее в руке. Разжав кулак, в котором был плод конского каштана, она ответила: «Все сотворенное».

связях. Сегодня мы часто говорим о том, что надо видеть явления «в перспективе», – но эта же идея занимала умы и людей эпохи Возрождения. Перспектива привнесла в живопись новое измерение – время. Стало возможным изучать планы картин: взгляд задерживается на линии горизонта, на дальних планах, как будто уходит в прошлое. Погода на картине соотносится с главными фигурами: они связаны друг с другом внутренним смыслом, наполняют визуальный мир живописи первобытным мироощущением единения с природой.

Людей изображали обнаженными и во всем великолепии, как греческих богов и богинь, а женские тела прославлялись как храмы красоты. Как мы видели, в Средние века статус женщин немного повысился. Боттичелли, Тициан и другие художники предпочитали образ Девы Марии как современное воплощение идеала женской красоты, которым прежде была Афродита; они изображали женщин, полнокровные тела которых лучились энергией, разными цветами, находились в движении. Каждая клетка пульсировала жизнью. Они были роскошно красивы, а красота, как говорил Платон, – это благо. Но именно в то же самое время процветала такая ненависть к женщинам, которой не знала ни одна другая эпоха. Некоторые мужчины – особенно богословы – считали, что женщины были источником всего зла в мире потому, что животное начало у них сильнее, чем у мужчин, значит, их необходимо преследовать, карать и убивать. Ни в одну историческую эпоху не было осуждено столько женщин, как во время охоты на ведьм, которых доводили пытками до смерти. Шестьдесят тысяч в Европе и на несколько тысяч больше – в Новой Англии! Но вдвое больше было тех, кого судили, но не сожгли. Два богослова-доминиканца на основании своего большого опыта папских инквизиторов пришли к таким выводам:

Женщина красива на вид, но оскверняет прикосновением к ней и несет погибель, если иметь с ней дело... Она – необходимое зло, природное искушение... природный грех, изображаемый в приятном виде... она лжива по природе... Поскольку [женщины] слабее и умом, и телом, неудивительно, что они поддаются чарам колдовства [больше, чем мужчины]... Женщина чувственнее мужчины... Все колдовство происходит от плотской похоти, которая в женщинах ненасытна.

В XX веке было принято изображать мужчин как сексуальных животных, плотоядных хищников по природе, не контролирующих себя под влиянием неукротимых гормонов и не способных сдержать себя от секса или насилия. «Мужчины – скоты», сетуют женщины; «мы думаем своими членами», признаются мужчины. Однако в истории очень долго именно такими изображали женщин; представление о них как о низменных, демонических созданиях зародилось отнюдь не в эпоху Возрождения. Это злобное представление о женщине, отождествляемой с Евой, падшей женщиной, которая, соблазнив мужчину, привела его к гибели (с женщиной, чье подлинное имя звучит как *evil* – «зло, грех»), преобладало всегда. Отец Одон, аббат Клунийского монастыря, в 1100 году писал:

В самом деле: если бы мужчины, как рыси из Беотии, были бы наделены способностью проникать зрением внутрь, видеть скрытое под кожей, то их стошнило бы от одного вида женщины: эта женская пленительность – всего лишь гниль, кровь, жидкость, желчь. Только подумайте, что скрыто в ноздрях, в глотке, в желудке: повсюду одни нечистоты... И как мы можем желать обладать этим горшком с калом?

Мужчины одновременно и презирали, и обожали женщин, считая их и святыми, и низменными – ангелами и блудницами. Однако эта двойственность особенно бросалась в глаза в эпоху Возрождения, когда женские тела изображались как безупречные храмы красоты, достойные изучения и почитания, но при этом множество так называемых ведьм подвергались оскорблениям, пыткам и публичным казням.

Представление о женщине как об ангеле привело к появлению изумительных произведений искусства в том жанре, который, по сути, является современным культом плодородия. Люди были окружены картинами, прославляющими святость материнства, обычно в виде Мадонны с нежным взглядом, держащей на руках пухлого, румяного, пышущего здоровьем Младенца. Конечно, это было всего лишь идеалом: о питании для беременных женщин или младенцев тогда знали мало, и многие умирали от болезней. И тем не менее такой образ Мадонны был хорошо известен из повседневной жизни, поскольку едва ли не каждая женщина (кроме пожилых или бесплодных) была или беременной, или кормящей. Богатые женщины не кормили своих детей грудью: они нанимали кормилиц, что позволяло им быстрее беременеть снова; это было их обязанностью – рожать как можно больше детей. Как говорил Мартин Лютер: «Даже если они устали вынашивать или рожают мертвых детей... это именно та цель, ради которой они существуют». Плодовитость была настолько значима для будущей жены, что иногда женщин поощряли зачинать детей до свадьбы – только чтобы доказать, что она могла иметь дело со зрелым мужчиной. В экономическом отношении дочери были помехой – если только они не рожали наследников. Поэтому такое большое значение имело приданое. Семья должна была подкупить мужчину, чтобы он взял на себя бремя содержания их дочери. От предложения и спроса зависело, какой будет текущая цена. В эпоху Возрождения, когда было много женщин брачного возраста, размеры приданого достигали таких высот, что считалось изумительным актом милосердия подарить приданое сироте, которая не могла выйти замуж без него. Одинокие, без роду и племени, женщины не имели связей и, следовательно, места в обществе. В литературе часто описывались бедные девушки, которые трудились днем и ночью, чтобы заработать достаточно денег для приданого, потому что без него у них не было надежды выйти замуж.

В таких обстоятельствах девочка в семье была просто товаром, а брак, еще в большей степени, – сделкой. Когда речь шла о выборе мужа, девушка не имела права голоса. Любящие родители пытались выбрать кого-то подходящего, однако для большинства из них дочь, даже если у нее были физические недостатки, представляла собой важную составляющую имущества. Фактически это была торговля товарами, которые семья надеялась пустить в оборот ради повышения своего социального статуса и доходов, а также ради рождения наследников. Возражала лишь неблагоприятная или вероломная дочь. Беременность была и жизнью, и ремеслом женщины. Развод был невозможен. И эти истины были неизменными, непреложными. Однако женщина также знала, что общество, не попустительствуя супружеской неверности, понимало, что могут случаться и интрижки. Если удача была на ее стороне – она могла родить здорового сына (а еще лучше – двоих или троих), а потом – завести роман, при условии, что любовники будут осмотрительны. Священники проповедовали, что мужа и жены должны быть верными спутниками жизни, хорошими товарищами, которые любят друг друга и заботятся о воспитании своих детей. Зачастую так оно и было: завещания и другие юридические документы полны нежных слов, исходивших из любящих сердец. Однако гораздо чаще брак превращался в эмоциональную пустыню, по которой уныло шли супруги, удовлетворяя свои аппетиты где-то в другом месте.

Ромео и Джульетта

Обычай устраивать браки был широко распространен и всем известен, но удивительно, что примерно в то время многие люди начали против него возражать. Пьесы Шекспира полны коллизий: споры о праве выбирать того, с кем вступать в брак, – и жалобы на судьбу от тех, кто вступил в брак по любви. Самую известную из этих пар, Ромео и Джульетту, Шекспир придумал не сам: идентичные образы уже существовали в мировой литературе, в различных культурных контекстах и жанровых воплощениях. Во II веке Ксенофонт Эфесский представил

эту историю как «Повесть о Габрокоме и Антии», но она наверняка была еще древнее. Долгие годы она служила источником вдохновения для многих авторов, и ее герой и героиня принимали самые разные имена. В 1530 году Луиджи да Порто опубликовал исполненную мелодраматизма «Новонайденную историю двух благородных влюбленных», восемнадцатилетнюю героиню которой звали Джульетта. Эту историю еще продолжали развивать во второй половине XVI века, как в поэзии, так и в прозе, и даже выдающийся испанский писатель Лопе де Вега сочинил драму под названием «Кастельвины и Монтесы». Пересказав эту историю еще раз, Шекспир сделал то же, что Леонард Бернстайн и его команда сделали с «Вестсайдской историей». Хорошо известный, избитый сюжет адаптирован к современности: герои облачились в современную одежду, действуют в наше время и заняты современными вопросами. Авторы «Вестсайдской истории» знали, что читатели будут отождествлять себя с героями трагедии «Ромео и Джульетта» (которая завершается словами «Печальнее нет повести на свете, / Как повесть о Ромео и Джульетте») ²⁸ и вслед за героиней испытывать романтические надежды. При такой интерпретации Ромео представляется не столько самостоятельным мужским образом, сколько неким атрибутом Джульетты.

Прекрасная, целомудренная девушка из Вероны, имя которой так поэтически сочетается с ее фамилией (Джульетта Капулетти), встречает юношу, и эта встреча пробуждает в ней чувственность. Он – воплощенная страсть, человек, влюбленный в любовь. «Любовь есть дым, поднявшийся от вздохов» ²⁹, – сначала говорит Ромео своему другу Бенволио, но потом приходит к выводу, что любовь не нежна, а «чересчур сурова, груба, буйна и колется, как терн». Отвергнутый девушкой по имени Розалина, Ромео так возбужден в своей беспокойной страсти, что подобен молнии, которая ищет место, в которое ударить. Он встречает Джульетту, и начинается бушевать буря эмоций.

Основа сюжета – вражда двух благородных семейств и запретная любовь их детей, Ромео и Джульетты. Случай и обстоятельства предопределяют их встречу, после которой они становятся «несчастливыми влюбленными» с печальной, но блистательной судьбой. Как почти все подростки, влюбленные испытывают то же блаженство, страдают от тех же мук и борются с теми же препятствиями, что и влюбленные всех эпох. В их драме присутствует еще один извечный мотив: они должны сохранять свою любовь в тайне от родителей: эта тема была прекрасно выражена еще в древнеегипетской любовной лирике. Старинная тема – это и любовная притягательность чужака, кем бы он ни был: представителем враждебного клана или просто «посторонним». Так возникает тема любви как отторжения, как силы, отрывающей человека от его семьи, от прошлого, от друзей, даже от соседей. Столь же древними являются и представление о любви как о безумии, а также фетишистское желание стать предметом одежды любимого существа. «Как я желал бы / Перчаткой быть на этой белой ручке, / Чтобы щеки ее касаться мне!» – восклицает Ромео, что созвучно желанию египетского поэта «быть ее кольцом, печатью на ее пальце» ³⁰, высказанному в любовной лирике много веков назад.

Шекспир существенно изменил фабулу истории. В его пьесе Джульетте тринадцать лет; в других вариантах она старше. В его пьесе Джульетта и Ромео проводят друг с другом лишь четыре дня в июле; в других вариантах их роман длится несколько месяцев. Даже если мы примем на веру тогдашние слухи – что итальянские девушки созревали раньше английских, – то вопрос все-таки останется: почему Шекспир сделал влюбленных такими юными, а их любовь – такой скоротечной? Шекспиру, когда он писал эту пьесу, было около тридцати, и, как явствует из его изысканных сонетов, ему известна «территория любви». И действительно, в одном из

²⁸ Перевод И. П. Грекова.

²⁹ Здесь и далее «Ромео и Джульетта» цитируется в переводе Д. Л. Михаловского.

³⁰ В 1993 г., в тайно записанном телефонном разговоре, принц Чарлз признался своей любовнице, что мечтает стать даже ее «тампоном».

сонетов он сетует на ошибку, которую совершил, представив своего любовника своей любовнице. Судя по всему, они полюбили друг друга, оставив Шекспира с носом – горевать о двойной потере. Думаю, что в «Ромео и Джульетте» он хотел показать, сколь безрассудно, непостоянно и эфемерно чувство любви, особенно у молодежи, особенно в сравнении с обдуманной любовью зрелых людей. Большинство героинь других его пьес тоже очень молоды³¹. В произведениях Шекспира можно найти постулаты куртуазной любви, но с двумя исключениями: любовь всегда ведет к браку, и Шекспир не мирится с супружеской изменой. Влюбленные должны быть молодыми, высокородными, хорошо одетыми и добродетельными. Мужчине подобает быть отважным, а женщине – целомудренной и красивой. Влюбленных редко представляют друг другу. Они влюбляются с первого взгляда, и красота лица любимого говорит обо всем, что им нужно знать. Опасность обычно таится рядом, но они упрямы, бессильны противиться любви. Влюбленные все время одержимы друг другом. Они приписывают предмету своей любви богоподобные свойства и совершают религиозные обряды поклонения и почитания. Они обмениваются талисманами: кольцом, шарфом или какими-то имеющими для них смысл безделушками. Средневековая дама давала рыцарю предмет своей одежды или драгоценность, чтобы его защитить: это было своего рода любовным закланием. Влюбленные обмениваются такими подарками и до сих пор, наделяя их подобной же силой. В Средние века влюбленные были скрытными – зачастую для того, чтобы муж женщины не мог обнаружить ее неверность. В елизаветинские времена влюбленные все еще скрытничали – но уже для того, чтобы помешать отцу девушки препятствовать их встречам. Когда влюбленные Шекспира признаются в любви, они намереваются жениться. Из-за испытаний они временно разлучены, и в это время, время одиночества и печали, они плачут и вздыхают, становятся невнимательными, теряют аппетит, жалуются своим наперсникам, пишут прочувствованные любовные письма, не спят по ночам. Пьеса заканчивается свадьбой и (или) смертью. Влюбленным Шекспира больше ничего не остается, потому что они могут лишь обожать предмет своей страсти, без которого жизнь кажется им никчемной. В пьесах Шекспира все герои испытывают куртуазную любовь, но с одной существенной разницей: они стремятся к браку, а не к прелюбодеянию. Их родные могут быть просто сумасшедшими, восставать против их любви или отправлять девушку в монастырь. Однако влюбленным, чтобы пожениться, не нужно официальное согласие родителей. Когда любовь преодолевает все, это происходит не из-за интриг, шантажа или беременности, но потому, что родители осознают искренность любви пары.

По мере развития действия «Ромео и Джульетты» главные герои показывают, что существуют разные виды любви. Теренс Джон Бью Спенсер суммирует эти положения в своем комментарии к изданию пьесы, выпущенном Penguin:

Есть любовь Джульетты – и до того, как она влюбилась, и после; есть любовь Ромео – и тогда, когда ему кажется, будто он влюблен в Розалину, и после того, как пробудилась его истинная страсть к Джульетте. Вот представление о любви Меркуцио: опираясь на свой блистательный ум, он представляет в смешном виде всепоглощающую и исключительную страсть, основанную на сексе. Вот монах Лоренцо: для него любовь неотделима от жизни и достойна осуждения, если она неистова или не получила благословения религии. Вот отец Капулетти: для него любовь – это нечто, что благоразумный отец выбирает для своей наследницы-дочери сам. Вот мать Капулетти: для нее любовь – это опыт, житейская мудрость (ей самой еще нет тридцати, но ее муж перестал танцевать тридцать лет назад). А вот кормилица:

³¹ Например, и Миранде в пьесе «Буря», и Виоле в «Двенадцатой ночи» всего около пятнадцати лет, а Марине в «Перикле» – четырнадцать.

для нее любовь – это нечто естественное и прочное, связанное с удовольствием и беременностью, входящее в круг интересов жизни женщины.

Юные герои «Ромео и Джульетты» – горячие головы или горячие чресла; эти герои решают, что они смертельно влюблены и должны немедленно пожениться, хотя не обменялись и сотней слов. «Дай мне моего Ромео», – требует Джульетта с резкой и доверчивой наивностью. Но даже ее пугает та скорость, с которой развивается их роман:

Он слишком скор, внезапен, опрометчив,
И слишком он на молнию похож,
Которая, сверкнув, исчезнет прежде,
Чем скажем мы, что молния блеснит.

Использование в пьесе образов молнии и пороха напоминает нам о том, насколько взрывоопасна ситуация, насколько накалены их чувства и как сама жизнь сгорает подобно мелькнувшей в ночи прекрасной искре. В сцене у балкона лунной ночью, исполненной нежности, страсти, прекраснейших из когда-либо написанных слов, влюбленные предстают вздыхающими о любви под луной и звездами, трепетно чуткими в мире света и теней. После такой близости под покровом ночи их тайный брак уже неизбежен. Потом они понимают, что не могут жить друг без друга. Череда многочисленных препятствий и ужасных недоразумений приводит влюбленных к самоубийству. По иронии судьбы, ужас от их гибели помогает враждующим семьям помириться. Таким образом, любовь изображается как посланница, которая может ходить между врагами и вершить свой собственный третейский суд. И это верно с точки зрения биологии, на самом базовом уровне, как бы ни выражали эту мысль, – как *«соперничающие существа объединяют усилия ради взаимной пользы»* или как *«любовь может сделать врагов любовниками»*. Почему мир без любимого кажется непригодным для жизни? Почему подросток оставляет надежду на вечную любовь и на то, чтобы быть любимым когда-нибудь в жизни?³²

Однако «Ромео и Джульетта» – это всего один ренессансный образец радикальной идеи, распространявшейся среди буржуазии: что любовь может и не противоречить браку. Пьеса была обращена ко многим уровням и ко многим социальным классам – отчасти потому, что семейная жизнь начала меняться. Сражений стало меньше, дела удерживали людей вблизи от дома, муж и жена проводили вместе больше времени, и они, естественно, хотели, чтобы их союз был приятным. Буржуазия была не прочь предаваться удовольствиям куртуазной любви, но без ощущения греховности. В 1570 году Роджер Ашем сетовал:

Не только юные джентльмены, но даже и совсем юные девушки без всякого страха, хотя и без откровенного бесстыдства, осмеливаются заявлять, где и как они хотят жениться вопреки воле отца, матери, Бога, добропорядочности и всему остальному.

Придворная жизнь создала такие роскошь и великолепие, о каких не говорилось даже в мифах и легендах. У придворных – и у мужчин, и у женщин – были особые наряды для разного времени суток, изящные украшения и одежда, которая не скрывала тело, но облегала его так, чтобы подчеркнуть половые признаки³³. Короли устраивали театральные феерии для

³² Представление о том, что *«для меня в мире есть только один человек, без которого я погибну»*, – это уже известный постулат философии любви, по всей форме изложенный Платоном.

³³ Пожалуй, одним из самых любопытных элементов одежды был гюльфик, который европейские мужчины носили в XIV–XVI вв. Чем-то напоминавший племенной чехол для пениса или бандаж-суспензорий, гюльфик существовал для защиты гени-талий, но мужчины делали эти аксессуары преувеличенно большими и броскими (иногда даже украшая их головкой в виде горгульи), чтобы привлечь внимание к пенису, расположенному в гюльфике так, чтобы постоянно казаться большим и эреги-

тысяч гостей, длившиеся несколько дней подряд. Подобно тому как в Средние века у рыцарей имелись правила куртуазной этики, которым полагалось следовать, так и в эпоху Возрождения придворные стремились к определенным идеалам. Дам не только боготворили изда- лека; им надлежало быть остроумными, учтивыми, начитанными, сведущими в политике и в текущих событиях – одним словом, занимательными собеседницами. Неженатым мужчинам и незамужним женщинам позволялось какое-то время проводить вместе, и влюбленного не обя- зывали подвергать себя испытаниям вроде старомодных поисков приключений во имя дамы. Поскольку считалось, что любовь устремлена к добру и красоте, ее защищали как нечто изыс- канное и благородное. Мужчин и женщин поощряли часто встречаться, узнавать друг друга, говорить о любви сколько угодно, испытывать влечение, но не стремиться завязать интимные отношения. В этом отношении ухаживания были все еще средневековыми – целомудренным периодом, наполненным муками как можно более долгого ожидания, длившегося до того, пока влюбленные наконец не вступали в интимные отношения. Ожидание могло быть скучным, так что в моду вошел искусный флирт. Весь вздор, связанный с рыцарскими поступками, пойс- ками приключений и преданным культом куртуазной любви, теперь считался устаревшим. У каждого закона есть свои нарушители, и не все играли по правилам. Мужчины по-прежнему обожали своих дам, которым они признавались в любви, но спали с любовницами и прости- тутками. За девственность велась постоянная борьба, с переменным успехом. Девушки согла- шались воздерживаться от того, чтобы их соблазняли, а мужчины соглашались их соблазнить. А люди семейные боролись за то, чтобы завоевать добродетель.

Обузданные сердца

В XVIII веке, когда вновь появилось стремление к изысканному и приличному, царил неоклассицизм и религия сдалась перед верой в разум, науку и логику. Если природа и чело- веческая натура были упорядоченными частями часового механизма Вселенной, заведенного бесстрастным Богом, то тогда и человеческим существам – малым богам – следовало сохранять подобную сдержанность. Все должны были таить свои истинные чувства. Люди сходили с ума по балам-маскарадам; стало модно скрывать то, что было на сердце, а элегантно-высокопарные обороты речи помогали соблюдать стильную отстраненность. Этикет требовал обмена любез- ностями, бесконечными словесными реверансами и неукоснительного соблюдения установлен- ных правил поведения. Влюбленные были связаны этими обобщенными правилами хорошего тона. Правила куртуазии включали церемонные поклоны, нюханье табака, а дамы использо- вали веера, чтобы подавать ими сигналы. Витиеватость и манерность – все это было разновид- ностью социальной дрессуры. Дама могла принимать гостей в неофициальной обстановке – лежа в постели или в ванне, – ибо предполагалось, что и она, и ее посетители будут одинаково скрывать свои чувства.

И если самоконтроль был притчей во языцех, то жестокость была в порядке вещей. Люди чувствовали себя уютно, как на пикнике, глаза на публичные казни, которых проводилось огромное количество. Общество было зачаровано легендой о доне Хуане Тенорио, испанском аристократе XIV века, которого представляли холодным садистом, ловким губителем женских репутаций. Многие из тех, кого возбуждал сложный поединок воль, наслаждались любовными приключениями как кровавым спортом. Игрой было прихотливое, каким оно и было задумано, совращение; ее участника сначала полностью побеждали, а потом быстро и бессердечно бро- сали. Известнейшие и изощренные генералы этих битв – и мужчины, и женщины – незримо носили покоренные ими сердца, как медали. Самые рассудительные кавалеры смотрели на жен-

рованным. В 1976 г. отдел маркетинга компании Birds Eye, производящей замороженные продукты, планировал назвать новые рыбные шарики словом *cod pieces* (буквально: «кусочки трески»), но кто-то вовремя заметил, что это слово имеет древнее и несколько непристойное происхождение (*англ. codpiece* – «гульфик»).

щин как на больших детей, сообщая своим сыновьям, как это делал граф Честерфилд, что «здравомыслящий мужчина лишь шутит с ними, играет, старается убажить их и чем-нибудь им польстить, как будто перед ним и в самом деле живой своевольный ребенок, но он никогда не советуется с ними в серьезных вещах и не может доверить им ничего серьезного, хоть и часто старается убедить их, что делает то и другое»³⁴.

В это самое время и прославился Казанова. Наш авантюрист прожил азартную жизнь, полную оболещений, риска и приключений. Он был настоящим разбойником любви, замечательным своими завоеваниями, человеком крайностей, но его психологический тип был хорошо знаком. Его именем назвали образ жизни, который пережил века. Эта победа его бы несказанно порадовала, потому что он был нелюбимым, страдавшим от дурного обращения ребенком, который всю жизнь искал любви, одобрения и уважения.

Джакомо Казанова родился в Венеции в 1725 году, в семье актеров. Обычно актрисы были еще и проститутками, актеры – сводниками, и его родители часто оставляли его с бабушкой по матери, пока сами гастролировали по Европе, занимаясь своим ремеслом. Неприкаянный, одинокий, Казанова стыдился своей развратной матери, но еще больше его обижало то, что она все время его бросала. Похоже, что письма материнской любви для него были написаны невидимыми чернилами. Поскольку он страдал от частых носовых кровотечений, бабушка отослала его в Падую, надеясь, что более свежий воздух восстановит его здоровье. «Так они от меня избавились», – писал Казанова в своих воспоминаниях полвека спустя, все еще страдая и сердясь. Со временем он получил разностороннее воспитание (в том числе и сексуальное, испытав влечение к зрелой женщине, которая помогала его воспитывать) и наконец получил в Университете Падуи степень доктора права и свой первый реальный любовный опыт.

После этого мир приобрел для него привкус устриц. В самом деле: он часто ел сырые устрицы с женской груди – это особенно его возбуждало. Если признать, что устрицы похожи на женские гениталии, то понятно, что Казанова распался, облизывая их солоноватые изгибы. Опасность усиливала желание. Он любил рискованные интриги и потому уговаривал женщин заниматься любовью во всяких неподходящих местах: в несущемся на полной скорости экипаже; в соседней с ревнивым мужем комнате; за тюремными решетками; во время публичной казни с потрошением и четвертованием; иногда – на виду у третьих лиц; иногда – в качестве участника любовного треугольника. Его молодость, миловидность и сообразительность сделали его привлекательным одинаково и для мужчин, и для женщин, и факты свидетельствуют о том, что он был бисексуальным, хотя в основном его любовницами были женщины, как правило зрелых лет. Об их возрасте Казанова в своих воспоминаниях умалчивал, тактично представляя их моложе, чем на самом деле. Талант Казановы, как писал его биограф, состоял в «умении сохранять ум и эрекцию, когда все вокруг него их теряли». Естественно, он заражался венерическими заболеваниями – одиннадцать раз, часто лечился, был изобретателен, пытаясь предохраняться: использовал половинку лимона как спермицид и иногда надевал примитивный презерватив, сделанный из овечьей кишки. В этой части своей жизни Казанова был совершеннейшим распутником и негодяем. Ни одна стена не была слишком высокой, ни одно окно не было слишком узким, ни один муж не находился слишком близко, чтобы помешать ему заняться любовью с женщиной, которая ему нравилась. «Потому что она была красивой, потому что я ее любил и потому что ее чары ничего не значили, если только они не могли заглушить все благоразумие».

Каждый любовный роман Казановы был поиском золотого руна, так что неудивительно, что он называл свой пенис «неукротимым жеребцом». Всегда искренне влюбляясь в женщину, которую он преследовал, Казанова в своей пылкости становился неотразимым. «Когда уносят лампу, все женщины одинаковы», – говорил он однажды про свои случавшиеся время от

³⁴ Перевод А. М. Шадрина.

времени шалости в темноте с сексуально озабоченными старухами. Но он также клялся, что «без любви это великое дело омерзительно». И он снова и снова терял голову, снова и снова терял все завоеванное. Но, по его личному счету, это было одно и то же. Добиваясь уважения к себе, Казанова плутовал и втирался в доверие, прокладывая себе дорогу в высшее общество любовными связями. Превосходный рассказчик, он изобретательно жульничал, пробивал себе путь, проникая под юбки бесчисленных женщин, иногда в толпе, во время многолюдных мероприятий (женщины не носили нижнего белья, так что секс в публичных местах доставлял особое наслаждение). Кем только не был Казанова: военным, шпионом, священником, скрипачом, танцором, хозяином шелковой мануфактуры, поваром, драматургом, сводником и каббалистическим некромантом-предсказателем-чародеем, если назвать лишь некоторые из его ремесел. Он водил знакомство с императорами, папами, якшался с беспризорниками; дрался на дуэлях; наслаждался театром; был вором-домушником, провел несколько лет в тюрьме и много пировал с королевскими особами; перевел Илиаду и другие классические произведения; написал две дюжины ученых книг и вращался в обществе Руссо, Вольтера, Франклина и других мыслителей. Казанова лгал, говоря о своем происхождении, и жил в страхе, что правда может раскрыться. Но что значили совершенные им ничтожные обманы в сравнении с тем внутренним мошенничеством, из-за которого он переживал? Жизнь на грани обостряла его ум, но еще и делала его печально известным. Когда он появлялся в городе, его брала на заметку полиция – равно как и подходящие женщины, их мужья и любовники.

Имена дон Хуана (дон Жуана) и Казановы часто ставили рядом, и у них действительно было общим что-то важное: оба в детстве чувствовали себя нежеланными и брошенными. Обнаружив со временем, что их привлекательность и сексуальность могли привлечь то внимание, о котором они мечтали, они инстинктивно сделали ставку на обольщение, делая эротичными любые отношения, как много лет спустя Мэрилин Монро. Однако дон Хуан XIV века совращал женщин для того, чтобы убедиться в собственной мужественности, тогда как Казанова хотел доказать, что он мог быть желанным. Отчаянно нуждавшийся в любви, уважении, семье, ощущении принадлежности, Казанова маскировал свою неуверенность под бравадой и пылкостью. Он пытался скрыть, что его тянуло к женщинам, которые внешне напоминали матерей, а за его стремлением обирать богатых и знатных стояло просто желание показать, что бедному парню это по силам.

Казанова хотел, чтобы женщины вынужденно покорялись ему. Но когда они ему отдавались, он их бросал точно так же, как его бросила мать. Она была первой женщиной, которую он, настоящий сердцеед, любил, и он всю жизнь гнался за ее тенью, пытаясь обнаружить ее в других женщинах. А когда Казанова хватал эту тень, он, к своему удивлению, обнаруживал, что у него в руках ничего нет, и потому он пускался в погоню за другой тенью, но с тем же результатом. И все-таки существовал один тип женщин, который казался ему по-настоящему притягательным. Перед такой женщиной Казанова не мог устоять, ее он не мог победить и из ее тисков он не мог вырваться, хотя она высасывала из него деньги и силы, разбивала в прах его самоуважение. Он не мог спастись от женщин, которые его дразнили, – от женщин, которые его завлекали, но не отдавались, попеременно то мучая его, то прогоняя. Когда такая женщина завязывала с ним роман, то главное, чего ей не следовало делать, – так это интересоваться тем, как он завершится. Неопределенность заставляла Казанову мучиться. Он чувствовал себя подвешенным над ямой, в которой пылает огонь, что очень напоминало ему внезапную любовь и отторжение, которые так мучили его в детстве. Это сводило на нет его взрывную чувственность, обуздывало его похоть, уничтожало его самоуверенность – и тем менее Казанова искал таких приключений снова и снова, чтобы мучиться еще больше, однако тщательно хранил это в тайне. В основном он был влюблен в саму жизнь. Он так любил жить ярко, был так переполнен грубоватой веселостью, что двери перед ним открывались, юбки поднимались и груди вздымались. Забавно, но словари называют *казановой* мужчину неразборчивого в связях, распутного

и бессердечного в отношениях с женщинами, тогда как реальный Казанова был эмоциональным, отчаянным, серьезно рисковавшим в любовных играх и зачастую проигрывавшим. Его тайным оружием было умение задевать, заставлявшее его делать, говорить, становиться кем-то, чтобы любить и быть любимым. Но все было иллюзией, театром теней на стене. Его жизнь была адским аттракционом взлетов и падений, и в конце жизни он печально сказал: «Я ни о чем не жалею».

Казанова представлял собой один из типов любовника XVIII века, опасного и нескромного. А Бен Франклин был воплощением галантного кавалера той эпохи – и как мыслитель, и как волокита. Он был шапочно знаком с Казановой – они часто встречались при дворе и дискутировали с Вольтером и другими мыслителями, при этом представляли собой совершенно разные типы любовников. В отличие от Казановы, который был необузданным и рискованным, Франклин был уравновешенным, веселым и искренним. Французы с удовольствием открывали ему доступ и в свои сердца, и в свои будуары; они его и впрямь боготворили.

Когда мы были нацией лавочников, Бен Франклин был гражданином мира. В эпоху королей он гордился тем, что был печатником. Одинаково умея убеждать монархов, маленьких детей и толпы, жаждущие вершить самосуд, он стал провозвестником зарождавшейся революции, отстаивая ее идеи в Европе. В эпоху торжества абстрактных теорий он умел обтачивать сложные факты на токарном станке простых идей. Остроумный от природы и сообразительный по роду занятий, Франклин умело умещал простые житейские истины в строгие формы язвительных эпиграмм. Он чувствовал себя вольготно и среди бурь и дискуссий открытой политики, и среди хитростей, полунамеков и интриг французских салонов. Не будучи усердным и богомольным прихожанином, Франклин прекрасно представлял устройство мира – от световых волн до способности человека к совершенствованию.

У Франклина, человека семейного, были родственники на двух континентах. Он относился к ним с отеческой привязанностью, особенно к своему незаконнорожденному сыну и незаконнорожденному сыну этого сына. Он состоял в браке сорок лет, но пятнадцать из них прожил за границей без жены. Он запомнился нам как старый, практичный, экономный и здравомыслящий человек, но даже на восьмом десятке он ухаживал за первейшими красавицами Франции, писал им страстные письма, озорно и остроумно флиртовал. Человек широких взглядов, широкой натуры и столь же обширной талии, Франклин был человеком целостным, и все, что он ни делал, было гармоничным. Пока другие люди волновались по пустякам, он представлял себе жизнь Америки в целом: с больницами, мощеными улицами, академиями, страховыми компаниями, библиотеками, пожарными машинами и личной свободой.

Франклин умел решать задачи весело. Он был одержим тем, чтобы сделать тогдашние научные теории практическими, улучшить повседневную жизнь простых людей. Когда электричество было всего лишь салонным фокусом, он уже пользовался им, чтобы жарить индеек. Он изобрел бифокальные очки, которые сам и носил. Он изобрел молниеотвод, который использовал у себя дома, и такие чудесные усовершенствования, как «пенсильванский камин» и печь Франклина. Внимательно наблюдая симптомы болезней, он диагностировал отравление свинцом, предложил методы лечения подагры, от которой страдал сам, и написал содержательный трактат о заразности простуды. Отличный метеоролог, Франклин предсказывал бури и изучал затмения, водяные смерчи, гром и северное сияние. Он был первым, кто попытался составить карту Гольфстрима. В свободное время он изучал ископаемые, реформу правописания, болотный газ, оспу, возможности пилотируемого полета, солнечные пятна, воздушный шар с горячим воздухом (когда Франклина спросили, для чего он нужен, он ответил: «А для чего нужен ребенок?») и такое множество других тем, что для их перечисления потребовалось бы несколько абзацев. «Идеи будут соединяться одна с другой, как вязки лука», – писал он о своем беспокойном, проницательном уме. Франклин знал, с точностью до цента, стоимость каждой цветочной луковицы, приложил усилия, чтобы акклиматизировать в Аме-

рике желтую иву, изобрести гибкий катетер для своего больного брата и написать эпитафию для белки, по которой горевала маленькая девочка: «Лежит здесь Скагг, / Отнюдь не наг. / Мой друг в шерсти, / Прощай, прости». И в науке, и в сердечных делах его метод состоял в том, чтобы начинать с общих принципов, затем переходить к практическому применению и наконец к простому совету. Дерзкому молодому сердцееду он писал: «Убивай не больше голубей, чем можешь съесть».

Франклин постоянно интересовался вопросами нравственности, побуждавший его исследовать мораль, размышлять о ней, спорить о ней с друзьями в основанном им философском клубе и писать о ней зачастую в памфлетах и в «Альманахе простака Ричарда». В год продавалось десять тысяч экземпляров его трудов – когда население Филадельфии составляло лишь двадцать тысяч человек). Однако, дав определение добродетельной жизни и рассказав о ней, Франклин не чувствовал себя обязанным жить добродетельно. Годы, которые он провел во Франции, были, по американским стандартам, бурными. Он был одним из самых усердных охотников за юбками всех времен. Легенда изображает его старым развратником, но это бесконечно далеко от той правды, которую раскрывают его письма. Франклин всю жизнь был защитником прав женщин, а также их достоинства, красоты и ценности, независимо от возраста и социального происхождения. Одно из его самых известных, самых забавных, но и самых мудрых писем посвящено преимуществам романов со зрелыми женщинами; в нем он, помимо прочего, отмечает: «Они так благодарны». Франклин не только защищал женщин, с которыми дружил, иногда снабжая их деньгами, оказывая юридическую помощь, предоставляя им кров и привилегии для их детей и давая им тщательно продуманные советы, когда они обращались к нему со своими проблемами, но и чрезвычайно их уважал. Женщины, как и молния, были явлением природы, и Франклину нравилось изучать и то и другое. И он делал это спокойно, основательно, безбоязненно.

Недаром Франклин, когда ему было уже за семьдесят, стал для Франции символом мужественности, не имеющей возраста. Тогда было модно помещать его портреты везде: на складных ножах, на вазах, на целых столовых сервизах, на шейных платках, внутри ночных горшков. Французенки, возведя захватывающий, утонченный флирт до уровня высокого искусства, видели во Франклине изысканного виртуоза этой игры. Женщины домогались его внимания и клялись ему в вечной любви, в откровенных и прочувствованных письмах. Его французские приятельницы посылали его внукам в Америку варежки и кукол. Его жена посылала незамысловатые рукодельные подарки его друзьям во Франции. По крайней мере два раза он просил французенок выйти за него замуж, но они деликатно отказывались. Однако, по правде говоря, они были на сорок лет моложе его и уже замужем, хотя и сетовали о своих обязательствах, отправляя за океан уверения в своей преданности. Тогда не было телефонов, и Франклин писал письма. Шаловливые, неприлично игривые послания, которые он отсылал своей подруге мадам Брийон, были для него интересной любовной игрой, упражнением в красноречии. Он навещал мадам Брийон хотя бы два раза в неделю, иногда играя с ней в шахматы в то время, пока она нежилась в ванне, поставив шахматную доску на край. Его репутация понятна из легенд. Однажды зимним вечером он встретил женщину, с которой за несколько месяцев до этого у него был роман. Немного обиженная, она сказала: «Вы не видели меня все лето. Боюсь, что вы меня уже не хотите». – «Ничего подобного, мадам, – ответил Франклин. – Я просто ждал, когда ночи станут длиннее».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.